26.89(4)
9114)
В 28

ЧЕРНОГОРІЯ и ЧЕРНОГОРЦЫ.

Инв. 4268
№ 45831
Проверено 1935 г.

СОСТАВИЛА

Э. С. Вульфсонъ.

МОСКВА.
Собств. книгоиздательницы А. С. ПАНАФИДИНОЙ.
Покровка, Лялинъ пер., соб. домъ.
1909.

1947

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ,
Т-РО ОКОРОПЧ. А.А. ЛЕВЕНСОНЪ
ЛОМОНОСОВСКІЙ ПЕР., С. Д.

Глава I.

Происхожденіе Черногоріи. — Ея прошлая исторія. — Князья и митрополиты. — Возстановленіе свѣтской власти.

„Расти, мой женихъ, пока не вырастешь;
Когда жъ вырастешь—проси меня у отца,
Но принеси мнѣ въ подарокъ яблоко—
Турецкую голову на остромъ колу..."

Такъ распѣваетъ черногорская дѣвушка-пастушка, съ малыхъ лѣтъ пропитанная ненавистью и озлобленіемъ къ вѣковымъ притѣснителямъ своей родины. И въ жестокой пѣснѣ этой, какъ въ зеркалѣ, отразилась вся исторія этого маленькаго геройскаго народа, почти пять вѣковъ отстаивавшаго свою свободу и вѣру.

И другіе народы нерѣдко обращали свои завистливые взоры на храбрую Черногорію: венеціанцы и австрійцы не разъ стремились подчинить себѣ этотъ непобѣдимый народъ, но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ многовѣковымъ гнетомъ, который наложили на

него турки. Да и само происхожденіе Черногорскаго княжества обязано этой ненависти къ туркамъ, любви къ свободѣ и независимости. Въ 1389 г. произошла несчастная битва при Коссовомъ полѣ: большое царство Сербское покорено было турецкимъ султаномъ Мурадомъ и сербы потеряли свою независимость. Удержалась лишь одна область его, расположенная на берегу Адріатическаго моря и извѣстная подъ именемъ Зеты [1]).

И раньше уже Зета пользовалась почти полною самостоятельностью, имѣла своихъ собственныхъ правителей; ея связь съ Сербіей выражалась, главнымъ образомъ, лишь въ томъ, что она признавала великаго сербскаго жупана [2]). Вотъ сюда-то и стали стекаться теперь сербскіе бѣглецы, не пожелавшіе подчиниться чужому игу, и Зета стала на Балканскомъ полуостровѣ оплотомъ независимости славянскихъ народовъ.

Въ то время Зетскимъ княжествомъ правили князья изъ рода Бальшичей, и когда въ 1421 г., со смерью Бальши III, родъ этотъ прекратился, зетяне призвали на княжескій престолъ зятя его, Стефана Черноевича, проживавшаго въ то время въ изгнаніи на чужбинѣ.

40 лѣтъ правилъ Стефанъ Черноевичъ стра-

---

[1]) Отъ рѣки Зеты, которая протекаетъ почти посреди Черногоріи и дѣлитъ ее на двѣ части: западную и восточную.

[2]) Такъ назывались въ то время сербскіе короли.

ною, и правленіе это было сравнительно спокойно для зетянъ: турки все время заняты были безпрерывными войнами съ греками, венгерцами, сербами и албанцами и прямо не нападали на нихъ, оставивъ пока Зету въ покоѣ. Въ сосѣдней Албаніи властителемъ былъ въ то время знаменитый албанскій герой Юрій Скандеръ-бегъ. Будучи женатъ на сестрѣ его, Стефанъ Черноевичъ все время помогалъ ему и оба они дружно отстаивали свои земли отъ свирѣпыхъ турокъ, а также и отъ жадныхъ венеціанцевъ.

Со временъ этого перваго Черноевича Зета и стала впервые именоваться Черногоріей, почему многіе сербскіе историки и полагаютъ, что отъ его-то имени и произошло это названіе. Однако, другіе ученые утверждаютъ совсѣмъ иное, объясняя его болѣе правдоподобно. Когда сербы,—говорятъ они,—образовавшіе Черногорію, пришли въ нынѣшнюю Катунскую нахію [1]), то первую гору, представшую предъ ихъ взорами, они назвали *Черною*: въ то время мѣстность эта была сплошь покрыта непроницаемыми дремучими лѣсами, отчего горы казались издали совсѣмъ черными. Вотъ отсюда будто бы и пошло съ тѣхъ поръ названіе *Черногорія* или по-сербски—*Црна гора*.

Стефану Черноевичу наслѣдовалъ старшій

[1]) Такъ называется одинъ изъ округовъ Черногоріи.

сынъ его Иванъ, извѣстный больше въ народѣ подъ турецкимъ прозвищемъ Иванъ-бега. И онъ, какъ и отецъ его, повсюду искалъ союзовъ съ другими народами, лишь бы защитить свою родину отъ жадныхъ турокъ; помогалъ даже венеціанцамъ, несмотря на свою злобу къ нимъ, когда турки вздумали захватить албанское приморье. Благодаря этой помощи, турки разбиты были на голову, но и черногорцамъ дорого обошлась побѣда. Когда въ 1478 г. султанъ Магометъ II снова напалъ на венеціанцевъ и войска его заняли приморскій городъ Скадръ, то потомъ весь гнѣвъ свой онъ обрушилъ на Иванъ-бега и осадилъ его столицу Жаблякъ. Несмотря на вторичную большую помощь, венеціанцы оказались самыми неблагодарными союзниками: какъ ни молилъ Иванъ-бегъ спасти свою столицу, они отказались, не желая нарушить только-что заключенный съ турками мирный и торговый договоръ. Тогда Иванъ-бегъ сжегъ Жаблякъ и удалился въ горы (гдѣ нынѣ находится Катунская нахія), чѣмъ, по мнѣнію ученыхъ, и положилъ начало нынѣшней Черногоріи.

И вотъ турки оставили гарнизонъ въ сожженномъ Жаблякѣ, но Иванъ-бегъ все-таки не успокоился на своемъ пораженіи. Спустя два года онъ внезапно нападаетъ на гораздо болѣе многочисленный турецкій гарнизонъ, храбрымъ натискомъ уничтожаетъ его и вновь овладѣ-

ваетъ своею бывшею столицей. Но недолго длилось торжество черногорцевъ: вскорѣ же турки надолго отняли у нихъ не только Жаблякъ, но и другой городъ—Подгорицу. И лишь въ 1878 г., послѣ русско-турецкой войны, города эти были возвращены Черногоріи.

Теперь Иванъ-бегъ не помышлялъ уже больше о возвращеніи своей столицы; турки со всѣхъ сторонъ стали тѣснить Черногорію, и настало время думать уже не о возвратѣ утраченныхъ земель, а о болѣе прочномъ укрѣпленіи уцѣлѣвшихъ. И вотъ въ 1484 г. Иванъ-бегъ основываетъ новую столицу на такъ-называемомъ Цетинскомъ полѣ. Здѣсь, на западной окраинѣ его, подъ защитой высокаго Ловчена[1]), онъ построилъ церковь и монастырь во имя Рождества Богородицы, тутъ же помѣщеніе для митрополита, куда и перевелъ бывшаго зетскаго владыку Виссаріона. Въ томъ же году Иванъ-бегъ, не забывая и о просвѣщеніи своего народа, основываетъ первую въ Черногоріи типографію, въ которой должны были печататься церковныя книги. И хотя работать она стала уже при преемникѣ его, но событіе это тѣмъ знаменательнѣе, что въ то время это была первая типографія у славянъ: не только на Балканскомъ полуостровѣ, но даже въ Москвѣ еще не было ничего подобнаго. Тутъ же,

---

[1]) Одинъ изъ высочайшихъ горныхъ хребтовъ Черногоріи.

неподалеку отъ монастыря, Иванъ-бегъ выстроилъ и свой дворецъ, послѣ чего всецѣло посвятилъ свои заботы укрѣпленію границъ Черногоріи. Онъ построилъ двѣ крѣпости и тщательно укрѣпилъ всѣ тѣ мѣста, откуда турки могли проникнуть въ его владѣнія.

И народъ оцѣнилъ труды своего правителя, его непрестанныя заботы объ обезпеченіи имъ мира и свободы. Черногорцы единодушно дали клятву слѣдовать совѣтамъ своего князя и не жалѣть жизни для защиты своей родины. Духъ народа закалялся. И вотъ, онъ постановилъ слѣдующій любопытный законъ: «Во время боя съ турками никто не смѣетъ оставлять своего мѣста или бѣжать съ поля битвы; ослушника же лишить всякой чести и уваженія не только въ войскѣ, но и въ народѣ. А для этого надѣть ему бабій передникъ, дать въ руки прялку и отдать его женщинамъ, дабы тѣ съ позоромъ гнали его, какъ труса и измѣнника, съ прялкой чрезъ народъ». Для воинственнаго, закаленнаго въ бояхъ черногорца нельзя было, какъ видите, придумать болѣе позорнаго наказанія, какъ сравнивъ его съ женщиной!

И вотъ, наконецъ, турки на время оставляютъ черногорцевъ въ покоѣ: мѣры, принятыя Иванъ-бегомъ, не на шутку встревожили ихъ и они увидали теперь всю трудность борьбы съ этимъ свободолюбивымъ народомъ. Зато послѣдніе дни своей жизни, полной заботъ и тяжкихъ

трудовъ, этотъ мудрый правитель Черногоріи наслаждался миромъ и заслуженнымъ покоемъ. Онъ умеръ въ 1490 г., оплакиваемый благодарнымъ народомъ, и похороненъ въ имъ же выстроенной Цетинской церкви. И до сихъ поръ память Иванъ-бега свято чтится черногорцами и именемъ его названы многія мѣстности и важные источники въ Катунской нахіи.

Наслѣдникъ Иванъ-бега, старшій сынъ его Юрій Черноевичъ, въ дѣлѣ защиты Черногоріи слѣдовалъ по стопамъ своего отца. Особенно же прославился этотъ князь своими неустанными заботами о просвѣщеніи народа Зная объ изобрѣтеніи книгопечатанія и сознавая всю великую пользу его для церкви и родины, онъ прежде всего возобновилъ типографію, основанную отцомъ. Въ ней стали печатать церковныя книги (первая изъ нихъ помѣчена 1493 г.), и ими Юрій Черноевичъ снабжалъ не только черногорскіе монастыри и церкви, но разсылалъ ихъ и по другимъ землямъ—въ Боснію, Герцеговину, Сербію и Болгарію. И нынѣ еще такія книги нерѣдко попадаются въ аѳонскихъ монастыряхъ и на заглавномъ листѣ ихъ можно видѣть слова: «Напечатано по повелѣнію Юрія Черноевича».

Народъ любилъ своего князя, но не взлюбилъ его родной братъ, властолюбивый Стефанъ. Ему самому захотѣлось сдѣлаться правителемъ Черногоріи, но такъ какъ со стороны

народа не было на это никакой надежды, то онъ отправился къ самому заклятому врагу своей родины—турецкому султану Баязету II—и предложилъ ему предать Черногорію. Вмѣстѣ съ Стефаномъ отправились и нѣсколько приверженцевъ его. Обѣщавъ подчинить потомъ страну верховенству Турціи, лишь бы его назначили правителемъ, Стефанъ просилъ дать ему войска и необходимыхъ средствъ. Султанъ согласился, но зато поставилъ этимъ измѣнникамъ своей родины одно тяжкое условіе: всѣ они должны были отречься отъ православной вѣры и принять магометанство. Человѣку, разъ вступившему на путь злобы и измѣны, трудно ужъ бываетъ удержаться на полпути... И вотъ Стефанъ, вмѣстѣ съ своими приверженцами, принимаетъ магометанство, и такимъ образомъ всѣ они «потурчились». Получивъ отъ султана войско и деньги, Стефанъ, прозванный уже теперь Скандеръ-бегомъ, двинулся вмѣстѣ съ своими вѣроломными товарищами черезъ Верхнюю Албанію въ Черногорію.

Однако, вѣсть объ измѣнническій затѣѣ брата уже успѣла дойти и до Юрія Черноевича. Собравъ вѣрное войско, онъ пошелъ навстрѣчу Скандеръ-бегу и разбилъ его на-голову. Видя, что мечтамъ его не суждено осуществиться, что не быть Черногоріи подъ властью турокъ, Скандеръ-бегъ рѣшилъ утвердиться съ своими товарищами хотя бы въ гор. Скутари. Но и

здѣсь его постигла неудача: жители отказались принять его, и ему пришлось удалиться въ албанскую деревню, гдѣ онъ и кончилъ свои дни, презираемый соотечественниками. Отъ Скандеръ-бега и приверженцевъ его пошло, по мнѣнію черногорцевъ, распространеніе магометанства въ странѣ, и потомки этихъ измѣнниковъ причинили немало бѣдствій Черногоріи.

А между тѣмъ, измѣна брата своей вѣрѣ и родинѣ произвела неизгладимое впечатлѣніе на добраго и миролюбиваго Юрія Черноевича. Къ тому же и жена его, дочь венеціанскаго вельможи, донимала его вѣчными жалобами на тревоги и волненія, причиняемыя турецкими набѣгами. Утомленный всѣмъ этимъ князь не выдержалъ, наконецъ: онъ рѣшился покинуть родину и удалиться въ Венецію.

И вотъ въ 1516 г. онъ созываетъ въ Цетинье всѣхъ народныхъ старшинъ и объявляетъ имъ о своемъ твердомъ рѣшеніи. Народъ огорченъ, но князь предлагаетъ имъ назначить вмѣсто себя правителемъ Черногоріи митрополита Вавилу и тутъ же передаетъ ему государственную печать. Завѣщавъ своему народу защищать свою вѣру и родину до послѣдней капли крови, жить въ любви и согласіи, повиноваться своимъ старшинамъ и митрополиту,—Юрій Черноевичъ покинулъ страну, благословляемый населеніемъ. Митрополитъ и старшины неотступно провожали его до самыхъ границъ Венеціи

Такъ кончилось правленіе Черноевичей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и власть свѣтскихъ князей въ Черногоріи. Теперь главенство перешло къ митрополитамъ, за которыми и оставалось около двухъ вѣковъ (съ 1516 г. до 1697 г.).

Но и духовнымъ правителямъ Черногоріи такъ же приходилось прежде всего отстаивать народную свободу, какъ и свѣтскимъ князьямъ. Во время битвы, митрополитъ, въ одеждѣ простого воина, съ ятаганомъ [1]) и пистолетами за поясомъ, шелъ впереди своего войска, вдохновляя его на борьбу, и то и дѣло самъ совершалъ чудеса храбрости. Первый изъ нихъ, митрополитъ Вавила, уже не мечтаетъ о возвратѣ утраченныхъ земель: всѣ помыслы его обращены на то, чтобы сохранить страну въ томъ видѣ, какъ онъ принялъ ее отъ Юрія Черноевича. Для этого онъ зорко наблюдаетъ, чтобы народные старшины оберегали границы Черногоріи, избѣгая всякихъ столкновеній съ турками.

За нимъ идетъ цѣлый рядъ духовныхъ вождей Черногоріи, изъ которыхъ далеко не всѣ настроены такъ же миролюбиво. Такъ, напримѣръ, въ 1683 г. турки были разбиты подъ Вѣною [2]) польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ. Тогда австрійцы, видя, что Турція ослаблена, задумали окончательно обезсилить ее,

[1]) Короткая кривая сабля.
[2]) Столица Австріи.

соединились съ венеціанцами и объявили ей войну. Къ нимъ примкнулъ съ своимъ войскомъ и митрополитъ Виссаріонъ, правившій въ то время Черногоріей. Ему захотѣлось воспользоваться случаемъ, чтобы вернуть тѣ черногорскія владѣнія въ Зетѣ, которыя когда-то отняли турки. Черногорцы одержали нѣсколько блестящихъ побѣдъ, но жестоко пришлось поплатиться имъ потомъ за эту затѣю: въ 1690 г. скутарійскій паша Сулейманъ, чтобы отомстить черногорцамъ, собралъ огромное войско и напалъ на Черногорію. Нашлись измѣнники и среди черногорцевъ: это были потомки тѣхъ самыхъ вѣроотступниковъ, которымъ Юрій Черноевичъ разрѣшилъ когда-то поселиться въ Черногоріи, сохранивъ ихъ новую магометанскую вѣру. И вотъ, при ихъ помощи турки побѣдоносно дошли до самой столицы—Цетинье, разрушили до основанія дворецъ и монастырь, съ такими усиліями построенные когда-то Иванъбегомъ, и сожгли по пути еще нѣсколько деревень. Но, несмотря на все это, турки не могли долго продержаться въ горахъ, гдѣ немыслимо для нихъ было найти какіе бы то ни было жизненные припасы. Волей-неволей имъ пришлось отступить обратно, и хотя они и успѣли разорить часть Черногоріи, но поработить народъ имъ все-таки не удалось.

Бывали въ бурной исторіи этого храбраго маленькаго народа и такія времена, когда онъ

оставался и совсѣмъ безъ правителя. Такъ, напримѣръ, въ 1695 г. умеръ тогдашній митрополитъ Савва, и два года въ Черногоріи не было владыки. Наконецъ, въ 1697 г., на развалинахъ Цетинскаго монастыря, собрались народные старшины и выбрали себѣ новаго митрополита, молодого 20-тилѣтняго Николу Петровича изъ племени Нѣгушей, въ монашествѣ Даніила. Этотъ правитель является родоначальникомъ нынѣ царствующаго дома въ Черногоріи.

Память владыки Даніила свято чтится черногорцами. Онъ много послужилъ дѣлу народной свободы, держалъ себя независимо съ турками, чѣмъ вызвалъ немалое негодованіе въ нихъ, и они стали искать случая отомстить ему. Въ 1701 г. Даніилъ прибылъ въ отнятый турками городъ Подгорицу, чтобъ освятить новую церковь. Хотя онъ предварительно и заручился для этого разрѣшеніемъ скутарійскаго паши, но турки измѣнически напали на него, взяли въ плѣнъ и порѣшили-было посадить на колъ. Но паша, однако, согласился освободить его за большой выкупъ. И вотъ, по всей Черногоріи, даже въ сосѣдней Герцеговинѣ, народъ спѣшно сталъ собирать деньги за своего желаннаго владыку. Но не легко это было сдѣлать бѣдному черногорцу, вѣчно занятому борьбой за свободу. А между тѣмъ, пока шелъ сборъ, Даніилу пришлось провести нѣсколько мучительныхъ

дней: его повѣсили за руки въ городскихъ воротахъ и освободили лишь тогда, когда требуемая сумма была доставлена.

По возвращеніи домой Даніилъ и рѣшился на ту страшную жестокость, которая такъ омрачила его правленіе. Онъ собралъ народную *скупштину*[1]) и предложилъ ей истребить всѣхъ магометанъ въ странѣ, т.-е. потурченныхъ черногорцевъ. Собраніе согласилось, и вотъ жестокое дѣло совершилось: въ ночь подъ Рождество Христово, въ 1702 г., въ ночь мира и любви, нѣсколько тысячъ черногорцевъ-магометанъ было убито... Большинство не сопротивлялось, такъ какъ обреченныя жертвы даже и не подозрѣвали объ ожидавшей ихъ участи: многіе, до которыхъ успѣла во-время дойти эта вѣсть, спаслись бѣгствомъ. Зло родитъ зло, и чрезъ четыре года турки снова собрались съ силами, чтобы отомстить, и напали на Черногорію, но были разбиты и должны были отступить. Не разъ послѣ этого черногорцамъ удалось одерживать блестящія побѣды надъ турками, вызывая каждый разъ новую жажду мести.

За Даніиломъ осталась большая заслуга въ томъ, что онъ старался привести въ порядокъ и внутреннія дѣла страны. Вѣдь Черногорія состояла въ то время изъ многихъ, почти само-

[1]) Народное собраніе, совѣтъ. На такихъ скупштинахъ имѣло право присутствовать все взрослое мужское населеніе, носящее оружіе.

стоятельныхъ, племенъ; каждое изъ нихъ жило своею особою жизнью. Племена эти управлялись своими главарями, которыхъ избирала народная скупштина каждаго даннаго племени. Нерѣдко отдѣльныя племена затѣвали между собою кровопролитныя распри, по большей части изъ-за кровной мести. Даніилъ ввелъ судъ и расправу въ странѣ. Вообще въ его правленіе Черногорія впервые повернула на тотъ путь, по которому шли и остальныя европейскія государства, и внутренній строй ея сталъ терять свой первобытный характеръ, хотя, конечно, движеніе это шло постепенно и медленно. Даже и посейчасъ еще въ жизни этого маленькаго народа сохранилось немало старинныхъ, первобытныхъ чертъ.

Но вотъ, въ 1711 г. случилось одно важное событіе, которое имѣло огромное значеніе для всей дальнѣйшей судьбы Черногоріи: изъ Россіи прибылъ посланникъ Петра Великаго, полковникъ Михаилъ Милорадовичъ, герцеговинецъ по происхожденію. Русскій царь предлагалъ черногорцамъ помочь ему въ войнѣ съ Турціей, обѣщая за это награду отъ Бога и милость отъ себя. Въ привезенной грамотѣ говорилось, между прочимъ, такъ: «Не только вознаграждены будутъ всѣ издержки, но и каждый получитъ по своей заслугѣ и по желанію, такъ какъ для себя мы не оставляемъ иной славы, какъ только быть въ состояніи

освободить отъ ига невѣрныхъ христіанскіе народы». Нечего говорить, что черногорцы съ радостью ухватились за предложеніе русскаго царя: они увидали, что есть сильное православное государство, которое въ то же время думаетъ и о нихъ. И вотъ черногорцы быстро собираютъ отряды и осаждаютъ отнятые когда-то турками города: Никшичъ, Жаблякъ и Подгорицу. Дѣло пошло-было такъ успѣшно, что врагъ готовъ ужъ былъ сдаться, какъ вдругъ приходитъ вѣсть, что русскіе окружены на Прутѣ [1]) турками и Петръ Великій заключаетъ съ ними миръ, ничего не выговоривъ для черногорцевъ... Снова наступили тяжелые дни для маленькой страны. Ко всему еще и Венеція, дорожа своей торговлей съ болѣе богатою Турціей, закрываетъ вдругъ свои базары для черногорскихъ торговцевъ.

Не дремали и турки. Заключивъ миръ съ Россіей, они немедленно двинули сильные отряды на освобожденіе осажденныхъ черногорцами крѣпостей, что имъ вскорѣ же и удалось. Чрезъ нѣсколько времени турки пригласили къ себѣ черногорскихъ главарей подъ предлогомъ мирныхъ переговоровъ, но умертвили ихъ и снова двинулись на Цетинье. Пять дней геройски держались черногорцы, рѣшивъ защищать свою столицу до послѣдней капли крови. Но и врагъ былъ упоренъ, а главное

[1]) Притокъ Дуная.

4268

сильнѣе. Цетинье и на этотъ разъ было сожжено турками, но опять-таки они долго не могли продержаться въ горахъ и должны были отступить. Когда вѣсть объ этой бѣдѣ черногорцевъ дошла до Петра Великаго, онъ снова шлетъ къ нимъ посла съ собственноручнымъ письмомъ, гдѣ говоритъ, что при всемъ желаніи не могъ прійти къ нимъ на помощь изъ-за войны со шведами; тутъ же онъ обѣщаетъ посильную денежную помощь. По полученіи этого письма, владыка Даніилъ, сознавая всю важность дружбы съ русскими, тотчасъ же отправился въ Петербургъ, гдѣ былъ радушно принятъ русскимъ царемъ. Чтобы хотя чѣмъ-нибудь отблагодарить храбрыхъ черногорскихъ юнаковъ [1]) за ихъ былую помощь, Петръ Великій передалъ ему 160 золотыхъ медалей съ своимъ изображеніемъ, прося раздать ихъ наиболѣе отличившимся, 5000 р. въ помощь разореннымъ турецкими набѣгами жителямъ, столько же на возобновленіе разрушенныхъ церквей и монастырей, пообѣщавъ еще и ежегодную помощь въ 500 р. Съ тѣхъ поръ и до нашего времени Черногорія получаетъ извѣстную денежную сумму отъ русскаго правительства [2]).

Митрополитъ Даніилъ умеръ въ 1735 г., успѣвъ еще возстановить разрушенный Це-

---

[1]) Героевъ, храбрецовъ.

[2]) Нынѣ сумма эта достигла 100.000 руб. въ годъ.

тинскій монастырь. Народъ такъ оцѣнилъ его заслуги передъ родиной, что постановилъ отнынѣ избирать всѣхъ владыкъ изъ его рода, и, такимъ образомъ, санъ этотъ сдѣлался наслѣдственнымъ. Какъ мы уже упоминали, нынѣшній черногорскій князь является однимъ изъ потомковъ этого рода—Петровичей-Нѣгушъ.

Послѣ смерти Даніила митрополитомъ былъ избранъ племянникъ его — Савва. Печально было положеніе Черногоріи при этомъ владыкѣ. Человѣкъ слабый и неспособный, Савва не пользовался уваженіемъ народа. Этимъ воспользовался одинъ сербскій выходецъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Степана Малаго. Въ 1768 г. онъ явился на скупштину въ Цетинье, всенародно объявилъ себя русскимъ императоромъ Петромъ III, бѣжавшимъ будто бы изъ Россіи, требуя повиновенія со стороны черногорцевъ. Дѣло дошло до того, что, пользуясь недовольствомъ народа, Степанъ Малый посадилъ владыку подъ стражу, а самъ сталъ править Черногоріей. Надо признать за самозванцемъ, что онъ старался ввести порядокъ и справедливость въ странѣ. Онъ держалъ себя просто и хотя и объявилъ себя царемъ, но повелѣлъ называть просто «Стефаномъ», а на бумагахъ подписывался такъ: «Стефанъ, малый съ малыми, добрый съ добрыми, злой съ злыми». Когда слухъ о само-

званцѣ дошелъ до Екатерины II, правившей въ то время Россіей, она послала въ Черногорію кн. Долгорукова, чтобы изобличить его, но безуспѣшно. Въ 1774 г. Степанъ былъ убитъ своимъ же слугою, грекомъ по происхожденію, и власть снова перешла къ Саввѣ.

Послѣ этого владыки въ Черногоріи правили лишь два митрополита — Петръ I и Петръ II, особенно прославившіеся въ народѣ. Первый изъ нихъ созвалъ въ Цетинье скупштину, на которой впервые составлено было Уложеніе, т.-е. собраніе законовъ, состоявшее изъ 33 статей. За свои заслуги дѣлу народной свободы, Петръ I сопричисленъ былъ послѣ смерти къ лику святыхъ.

Послѣдній черногорскій владыка, Петръ II, точно отмежевалъ Черногорію отъ сосѣдней Австріи. Онъ сумѣлъ положить конецъ кровной мести, такъ долго царившей въ странѣ, какъ между отдѣльными племенами, такъ и селеніями въ одномъ и томъ же племени. Разрозненныя до тѣхъ поръ племена, безпрерывно терзаемыя внутренними раздорами, онъ сумѣлъ сплотить въ одно цѣлое, поставивъ надъ ними лишь одинъ высшій судъ — правительствующій сенатъ. Это помогло Черногоріи постепенно переходить отъ прежняго, племенного, къ новому, государственному строю.

Петръ II скончался 19 октября 1851 г., еще задолго до своей смерти назначивъ

своимъ преемникомъ двоюроднаго брата Даніила I Петровича-Нѣгуша. Петръ II оказался не только искуснымъ правителемъ, но и прославился какъ одинъ изъ лучшихъ народныхъ поэтовъ.

Новый глава Черногоріи началъ съ того, что отказался принять монашество и твердо

Цетинскій монастырь.

рѣшилъ отдѣлить свѣтскую власть отъ духовной, а епископа или архіепископа выбирать изъ семьи Нѣгушей или другихъ знатныхъ семей страны. Въ этомъ стремленіи онъ встрѣтилъ поддержку и со стороны императора Николая I, несмотря на недовольство остальныхъ

европейскихъ державъ. И вотъ, съ утвержденія сената, Даніилъ сталъ именоваться Княземъ Черногорскимъ. Когда, 8-го сентября 1852 г., въ день Рождества Богородицы, въ Цетинскій монастырь, по случаю храмового праздника, сталъ стекаться народъ, всѣ пожелали видѣть своего перваго князя. Едва кончилась обѣдня, старшины и сенаторы, народъ и духовенство въ полномъ облаченіи, съ образами и хоругвями—устремились къ княжескому дворцу и тутъ же присягнули на вѣрность. И князь Даніилъ, въ свою очередь, далъ клятву стоять за родину и народъ свой, править справедливо и безпристрастно.

Новому правителю пришлось вести двѣ большихъ войны съ турками. Послѣдняя привела въ исполненіе его завѣтное желаніе—разграничить Черногорію отъ смежныхъ турецкихъ областей. Князь Даніилъ много заботился и о внутреннемъ устройствѣ страны: между прочимъ, онъ издалъ новое Уложеніе—знаменитый «Законникъ Даніила» (въ 1855 г.). Немало широкихъ плановъ лелѣялъ онъ насчетъ будущаго своей страны, но не дано ему было осуществить ихъ: 1-го августа 1860 г. онъ палъ отъ руки убійцы. Послѣ Даніила не осталось прямого мужского потомства и княжескій престолъ перешелъ къ племяннику его, нынѣ царствующему Николаю Черногорскому.

Только при этомъ князѣ наступилъ, нако-

Князь Николай Черногорскій.

нецъ, прочный миръ въ странѣ и черногорцы отъ чисто воинственной жизни мало-по-малу начинаютъ переходить къ образу жизни другихъ европейскихъ народовъ. Однако, немало пришлось претерпѣть князю Николаю вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ народомъ, прежде чѣмъ удалось имъ вступить на путь мира и просвѣщенія. Въ 1862 г. черногорцы начали войну съ Турціей, окончившуюся весьма плачевно для нихъ: опять несчастное Цетинье было взято и турки пронеслись опустошительнымъ ураганомъ по странѣ... Дѣло дошло до того, что князь Николай принужденъ былъ разрѣшить Турціи оставить свои гарнизоны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Черногоріи, которые и стояли тамъ цѣлыхъ 8 лѣтъ. Въ 1876 г., въ союзѣ съ Сербіей, князь снова затѣялъ войну съ турками, которая пошла-было успѣшно, но вскорѣ же должна была кончиться: Сербія заключила миръ съ Турціей, а за нею послѣдовала и Черногорія. Но когда въ слѣдующемъ году началась русско-турецкая война, тотчасъ же поднялись и черногорцы. Хотя вначалѣ Сулейманъ-паша и вторгся-было въ Черногорію, но вскорѣ былъ отозванъ на главное поле битвы—въ Болгарію. Тогда князь Николай нанесъ нѣсколько рѣшительныхъ ударовъ исконному врагу своему. Но вотъ кончилась русско-турецкая война и въ 1878 г. въ

Берлинѣ [1]) подписанъ былъ миръ. При этомъ Черногоріи дана, наконецъ, полная независимость, а владѣнія ея увеличились больше чѣмъ вдвое: она получила отнятые у нея еще при Иванъ-бегѣ Жаблякъ и Подгорицу, значительную часть Герцеговины, а на западѣ достигла даже до Адріатическаго моря. Сначала Турція не соглашалась на эти прирѣзки, и черногорцамъ пришлось ихъ отвоевывать, что имъ и удалось. И вотъ, съ той поры не было больше войнъ, хотя безъ мелкихъ пограничныхъ стычекъ дѣло иногда не обходится и до нашихъ дней. Миръ настолько упрочился между двумя враждебными странами, что въ 1883 г. князь Николай ѣздилъ даже въ Константинополь, о чемъ раньше не могло быть и рѣчи.

Такъ вотъ какъ текла бурная жизнь этого храбраго, свободолюбиваго народа. Нынѣ черногорцы исключительно занялись своими мирными внутренними дѣлами. И хотя вотъ уже 30 лѣтъ, какъ они ни съ кѣмъ не воюютъ, но вся исторія ихъ, вся прошлая жизнь сложилась подъ вліяніемъ постоянной, безконечной войны. Если для другихъ народовъ война дѣло случайное и въ свое время прекращается на долгіе годы, то у черногорцевъ она составляла раньше такое же неизмѣнное и постоянное занятіе, какъ хлѣбопашество, скотовод-

[1]) Столица Германіи.

ство или охота. Весь бытъ этого народа, самый характеръ его, всѣ недостатки и хорошія качества — все это носитъ печать его прошлой боевой жизни...

Теперь, когда мы хотя вкратцѣ знаемъ многострадальную исторію черногорцевъ, ихъ полное борьбы прошлое, тѣ страданія и жертвы, которыми они заплатили за свою свободу,— посмотримъ ихъ въ мирѣ, какъ живутъ и работаютъ они, какъ подвигаются по широкому пути знанія и просвѣщенія.

Глава II.

Гдѣ лежитъ Черногорія.—Ея поверхность.—Климатъ.—Занятія жителей.

Родственная намъ маленькая Черногорія лежитъ въ сѣверо-западной части Балканскаго полуострова, внутри такъ-называемой Динарской горной системы. Она занимаетъ скромное пространство въ 9000 кв. верстъ, съ населеніемъ, едва достигающимъ 300.000 чел. Чтобы наглядно показать всю незначительность величины княжества, мы можемъ сказать, что если бы выпрямить ея границы, то эта прямая линія не покрыла бы даже разстоянія между Петербургомъ и Москвой... Граничитъ Черногорія на сѣверѣ — съ Герцеговиной, на востокѣ и юго-востокѣ—съ турецкими владѣніями, на юго-западѣ—съ Далмаціей. Съ 1878 г.

она владѣетъ небольшою береговою полосой Адріатическаго моря.

Почти вся Черногорія представляется сплошною горною страной. Высокія горы ея дики и малодоступны, подчасъ красивы и величественны; мѣстами онѣ пересѣкаются болѣе или менѣе значительными долинами. Съ сѣвера на югъ, почти въ самомъ центрѣ [1]) страны, протекаетъ рѣка Зета, которая дѣлитъ Черногорію на двѣ половины. Западная часть, или собственно Черная гора, представляетъ изъ себя высокую каменистую возвышенность, бѣдную водою; почти вся она сплошь состоитъ изъ мѣлового известняка. У мѣстнаго населенія сохранилось слѣдующее любопытное сказаніе о происхожденіи этой части Черногоріи. Когда Господь Богъ вздумалъ создавать міръ, онъ снарядилъ на землю ангела съ двумя большими мѣшками: въ одномъ были голые камни, въ другомъ—плодородный черноземъ. Добрый ангелъ бралъ поочередно изъ обоихъ мѣшковъ, усыпая землю и черноземомъ и камнями. Но вотъ, когда онъ проходилъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ суждено было явиться Черногоріи, мѣшокъ съ камнями, какъ на грѣхъ, вдругъ прорвался, и вся мѣстность мгновенно покрылась высокими сѣрыми скалами...

И растительность не блещетъ здѣсь бо-

[1]) Въ серединѣ.

гатствомъ и разнообразіемъ: дубъ, китайскій ясень, кленъ, карликовая бузина, можжевельникъ, букъ и совершенно незнакомое намъ, но особенно почитаемое въ Черногоріи, *каменное дерево*—вотъ все, что попадается путешественнику среди безотрадной картины дикаго *карста* (камня). И если бы не каменное дерево, которое Богъ вѣсть какимъ чудомъ ухитрилось расти на самыхъ голыхъ каменистыхъ мѣстахъ и при этомъ давать еще пышную, тѣнистую листву—совсѣмъ некуда было бы дѣваться отъ зноя въ этой обнаженной мѣстности. Нерѣдко подъ одной такою *косцелой*, какъ зовутъ черногорцы это дерево, укрывается пастухъ съ цѣлымъ стадомъ овецъ и козъ. А вѣдь никто не ухаживаетъ за нею, сама она выбивается на свѣтъ Божій, и нелегко это дереву въ молодости: горы усѣяны камнями, которые оно должно разламывать своими корнями или обвивать ихъ въ поискахъ за питательною почвой. Зато черногорецъ усердно бережетъ и почитаетъ свою косцелу, и спокойно можетъ она расти при дорогѣ: никто не осмѣлится и тронуть ее.

Восточная часть Черногоріи, или такъ-называемая *Берда* (по мѣстному *Брда*), разсѣкается нѣсколькими долинами на отдѣльные горные хребты; мѣстами хребты эти, въ свою очередь, переходятъ въ плоскія возвышенности, мѣстами же образуютъ высокія, дикія горныя

вершины. Тутъ самой знаменитой является гора Ловченъ. Съ ея вершины открывается дивный, величественный видъ на далекія окрест-

Часовня надъ могилою Петра II на вершинѣ Ловчена.

ности, видно таинственное море, полное движенія и жизни, а въ ясную погоду видна даже Италія. И вотъ, на самой выдающейся кру-

тизнѣ горы красуется часовня съ гробницею Петра II. Этотъ послѣдній владыка Черногоріи самъ построилъ эту часовню, завѣщавъ похоронить себя здѣсь, на вершинѣ Ловчена, откуда развертывается обширный видъ на всю дорогую его сердцу Черногорію.

Здѣсь, въ «Бердахъ», измѣняется и растительность—она богаче и разнообразнѣе. Видны уже букъ, дубъ, сосна, липа, тополь, ясень, верба, береза, ольха—не только отдѣльными деревьями, но подчасъ и цѣлыми лѣсами. А въ приморской мѣстности царитъ и вѣчно зеленая южная природа; растутъ апельсины, гранаты, маслины, фиговыя и лавровыя деревья.

Также разнообразенъ и климатъ Черногоріи. Въ то время, какъ Адріатическое приморье круглый годъ славится своимъ мягкимъ, теплымъ климатомъ, есть и такія холодныя высокія мѣста, гдѣ на вершинахъ снѣгъ виденъ даже лѣтомъ. Сообразно климату, мѣняются постепенно и произведенія природы: вотъ прекрасно растетъ, напр., маслина, а тамъ, подальше, она уже перестаетъ вызрѣвать, но все еще спѣетъ виноградъ; на горныхъ нивахъ кое-гдѣ видна еще кукуруза, а мѣстами растетъ одна лишь пшеница. Есть мѣстности, гдѣ люди живутъ только лѣтомъ, да и то больше пастухи со своими стадами. Это—горныя пастбища или *катуны*. Тутъ, на высокихъ горныхъ хребтахъ, для защиты отъ палящаго зноя, расположены

лѣтнія хаты каждой семьи — изъ камня сухой кладки; устроены и помѣщенія для скота. Отсюда и цѣлая область получила названіе *Катунской нахіи* [1]).

Чудную, живописную картину представляютъ эти горныя пастбища, съ разсыпавшимися по нимъ стадами. Козы бѣлыя и черныя звенятъ бубенчиками; оклики пастуховъ оживляютъ мертвенную тишь горъ. Черногорцы-пастухи перекликаются замѣчательно искусно; повторное горное эхо подхватываетъ отдѣльные слоги, несетъ ихъ впередъ со скалы на скалу, кружитъ по горамъ—и вотъ, понемногу, изъ раздѣльнаго неяснаго гула составляются цѣлыя, легко понятныя слова...

Среди непрестанной войны, среди заботъ и треволненій, когда ежеминутно можно было ожидать непріятельскихъ набѣговъ и никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ,—храбрый, выносливый черногорецъ ухитрился помышлять еще и о землѣ. И это тѣмъ удивительнѣе, что ровной пахотной земли у черногорцевъ мало, и надо только знать, какихъ неустанныхъ заботъ и трудовъ стоили нѣкогда ихъ предкамъ эти цвѣтущія, плодородныя теперь нивы! Когда-то тутъ были огромные лѣса, совершенно непроходимые каменные завалы; пядь за пядью

---

[1]) *Нахія*—область или округъ.

приходилось имъ отвоевывать у скупо наградившей ихъ природы, и не легко было голыя скалы и камни превращать въ нивы, огороды и виноградники.

Да и понынѣ работа эта не окончена, и сейчасъ еще черногорецъ воюетъ со своею природой, чтобы увеличить количество удобной земли. Облюбовавъ себѣ маленькую площадку, гдѣ-нибудь въ углубленіи между скалъ, онъ удаляетъ съ нея камни, взрываетъ порохомъ упорныя скалы. На мѣстахъ покатыхъ приходится еще выкладывать внизу каменную стѣнку, часто въ ростъ человѣка, а къ ней сверху на-

Нивы, расположенныя по склону горы.

гребать землю, чтобы выравнять эту крошечную ниву. Дѣлается это для того, чтобы дождевая вода, попадая съ вершины горы, орошала площадки одну за другою, а не проносилась бы стремительнымъ потокомъ, снося самый плодородный верхній слой. Земля берется изъ горныхъ трещинъ, и можно смѣло сказать, что вся почва здѣсь вновь создана руками человѣческими... Часто можно видѣть, какъ цѣлый склонъ горы, точно улей ячейками, испещренъ такими насыпными маленькими площадками, наглядно показывая могущество человѣка, когда онъ неустанно и терпѣливо идетъ къ намѣченной цѣли. Есть крошечные четырехугольнички или просто кружочки обработанной земли, которые воздѣланы прямо ручнымъ способомъ, такъ какъ на такой игрушечной нивѣ парѣ воловъ съ плугомъ или раломъ [1]) не обернуться, да и спускать ихъ туда, а потомъ поднимать немыслимо. Такой клочокъ земли скорѣе можно назвать ящикомъ или корзинкой, чѣмъ нивой; однако, какъ трудно приносить на нее навозъ для удобренія, сколько разъ приходится влѣзать, вновь слѣзать и опять карабкаться, пока, наконецъ, удастся засѣять, собрать жатву и вынести ее оттуда. И неудивительно, что съ теченіемъ времени по-

[1]) Земледѣльческое орудіе въ родѣ нашей сохи.

лучается, такимъ образомъ, плодороднѣйшая почва и что такая земля цѣнится очень высоко въ Черногоріи — вѣдь черногорецъ не богатъ землей. Здѣсь на душу приходится пахотной земли около 1 рала [1]) (1/7 часть нашей казенной десятины), а сѣнокосовъ—менѣе 1/4; но есть и такія мѣста, гдѣ прямо, какъ говорится, косой махнуть негдѣ.

Если новую ниву приходится создавать на мѣстѣ лѣса, то и тутъ немало работы пахарю. Надо свести лѣсъ, зажечь его, потомъ перекопать землю киркой; больше всего щадятъ при этомъ верхній слой: его бережно переворачиваютъ внизъ, особенно если на немъ еще росъ дернъ. А теперь надо подумать объ удобреніи; черногорецъ разрѣшилъ эту задачу весьма просто: онъ прямо пускаетъ скотъ по нивѣ, который тутъ же и остается на ночь въ нарочно устроенномъ гдѣ-нибудь сбоку стойлѣ. И вотъ по мѣрѣ надобности стойло это, или, по-мѣстному, *торъ*, переносится съ одного мѣста на другое, пока не удобрится вся нива. Мѣстами вмѣсто навоза употребляется еще для удобренія такъ-наз. *бѣлая* земля. Это не больше какъ подпочва, состоящая изъ неболь-

---

[1]) Пахотная земля измѣряется въ Черногоріи раломъ; такъ называется пространство, которое можно вспахать за день парой воловъ. Покосы, или, по-мѣстному, *ливады*, измѣряются *косой*, которая равна половинѣ рала, а виноградники—*мотыгой*, равной 1/6 рала.

шого слоя промытой глины и изряднаго количества извести. Сама по себѣ земля эта не годится для посѣвовъ, требуя слишкомъ много навозу, почему черногорцы прозвали ее даже мертвою землей (*мртва земля*); но въ соединеніи съ черною она представляетъ большую цѣнность. Открытіе это сдѣлано было совершенно случайно. Раньше ее употребляли при постройкахъ, на изготовленіе черепицы и т. д. И вотъ разъ, крестьянинъ провозившій ее, нечаянно разсыпалъ часть по нивѣ. Къ удивленію населенія, тутъ-то и оказался лучшій урожай въ этой мѣстности, и наблюдательный черногорецъ сталъ дѣлать и дальнѣйшіе опыты. Съ тѣхъ поръ земля эта разбрасывается по нивѣ. И что особенно важно — стоитъ только разъ удобрить такимъ образомъ ниву и отъ 5 до 10 лѣтъ она не требуетъ больше никакого удобренія.

Есть въ Черногоріи обычай: передъ пахотой собираютъ съ нивы всю траву и оставшуюся прошлогоднюю солому и все это сжигаютъ, пепелъ же развѣвается по землѣ.

Думаетъ черногорецъ и объ орошеніи своихъ полей, которое съ каждымъ годомъ расширяется все больше и больше. Устраивается это довольно просто: тамъ, гдѣ есть рѣка, прорываютъ каналъ, сообразуясь, конечно, съ высотой паденія воды; въ началѣ же этого канала дѣлаютъ небольшую запруду. Если же

пользуются горнымъ потокомъ, то прямо проводятъ отъ него мелкія канавки по лугамъ и нивамъ, куда и направляется вода.

Что касается пользованія водой, то у черногорцевъ издавна существуютъ на этотъ счетъ строгія правила, которыя вошли теперь и въ законы страны; каждый хозяинъ прекрасно знаетъ гдѣ, какъ и когда онъ можетъ пользоваться водой, отвести рѣку или ручей, пустить ли теченіе на свое поле или же направить его дальше.

Начало полевыхъ работъ зависитъ отъ мѣстности и ея климата. Въ Черногоріи вѣдь не рѣдкость, что въ то время какъ въ одной ея части лежитъ еще снѣгъ, въ болѣе южныхъ мѣстахъ идетъ самый разгаръ полевыхъ работъ. Порою весенняя пахота задерживается еще ослабѣвшимъ за зиму скотомъ: приходится дожидаться свѣжаго корма, чтобъ онъ снова могъ войти въ силу. Пашутъ, какъ мы уже упоминали, чаще раломъ, чѣмъ плугомъ. Послѣдній употребляется лишь тамъ, гдѣ почва глубока, но такихъ полей весьма немного въ покрытой горами Черногоріи. Рало напоминаетъ нашу соху; впрягается въ него, обыкновенно, пара воловъ и пашутъ такъ, что борозда идетъ къ бороздѣ, отъ одного края къ другому. Чтобъ еще больше углубить и разрыхлить землю, иные перепахиваютъ поле и второй разъ—поперекъ, а нѣкоторые люби-

тели даже и въ третій разъ. Послѣ этого принимаются боронить, при чемъ для большей тяжести наваливаютъ на борону камни или прямо усаживаютъ ребятъ.

Изъ хлѣбныхъ растеній сѣются въ Черногоріи рожь, пшеница, греча, овесъ, ячмень и больше всего кукуруза, изъ которой черногорцы, главнымъ образомъ, и выпекаютъ свой хлѣбъ. Овесъ сѣется мало, такъ какъ на кормъ лошадямъ идетъ преимущественно ячмень, хотя мѣстами изъ него печется и хлѣбъ; послѣдній выпекается еще порою и изъ гречи, хотя рѣдко кто умѣетъ очищать ее отъ шелухи. Сѣютъ черногорцы и просо—для корма птицъ, и въ большомъ количествѣ горохъ, но не нашъ обыкновенный, а болѣе нѣжные сорта, и всевозможныя бобовыя растенія, при чемъ чечевицу сѣютъ прямо на нивѣ, какъ и всякій другой хлѣбъ. Кукуруза сѣется два раза въ лѣто: первый—какъ только сойдутъ морозы, а второй разъ—послѣ уборки пшеницы, что́ бываетъ, обыкновенно, между половиной мая и половиной іюня. Вообще же, по народнымъ примѣтамъ, для созрѣванія кукурузы требуется со дня посѣва 100 дней. Для посѣва берутъ кукурузу крупную, съ желтымъ зерномъ, при чемъ на каждомъ стеблѣ родится отъ 1 до 3 початковъ. Когда всходы достигаютъ немногимъ болѣе 2-хъ вершковъ, кукурузу окапываютъ мотыгами, при чемъ лишніе уничтожа-

ются; во второй разъ ее окапываютъ, когда уже совсѣмъ образовался стебель, и при этомъ землю пригребаютъ какъ можно ближе къ корню. Этимъ и заканчивается весь уходъ за кукурузой. Первые початки, обыкновенно, пекутся на горячихъ угольяхъ, какъ лакомство. Когда же созрѣваютъ и всѣ остальные, ихъ долго еще не трогаютъ, чтобы дать имъ лучше высушиться. Съ этой же цѣлью мѣстами сламываютъ даже верхнюю часть стебля, вплоть до самыхъ початковъ.

Когда послѣдніе совсѣмъ выстоялись, ихъ ломаютъ, переносятъ домой и складываютъ въ кучи, гдѣ они окончательно и просушиваются. Только послѣ этого начинается очистка початковъ отъ шелухи, для чего употребляется короткая палочка, къ концу заостренная въ видѣ лопаточки; этимъ нехитрымъ орудіемъ и раздираютъ шелуху вдоль. Есть и такія мѣста, гдѣ початки не обламываются на стеблѣ, а кукурузу сначала жнутъ серпомъ и вяжутъ въ тяжелые снопы. Снопы эти ставятся стоймя и складываются въ кучи; и только тогда, когда они уже выстоялись, какъ слѣдуетъ, начинаютъ ломать и очищать початки. Вымолачиваютъ зерно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ палками, но по большей части вылущиваютъ прямо руками. Работа эта очень тяжелая, хотя предварительно кукурузу и потолкутъ немного деревяннымъ пестомъ въ кадушкѣ или мѣшкѣ. Тѣмъ не менѣе

долго еще послѣ этого болятъ руки, и мозоли на рукахъ напоминаютъ черногорцу, что хлѣбъ на землѣ не дается легко человѣку...

Когда зерно вылущено, то остающіеся початки идутъ на топливо, солома—на кормъ скоту и на крыши, а изъ шелухи бережливая черногорка набиваетъ мѣшки для постелей.

Остальные хлѣба убираются обычнымъ порядкомъ: ихъ жнутъ, вяжутъ въ снопы и складываютъ въ небольшія кучки, въ родѣ нашихъ крестовъ; сверху точно такъ же накрываютъ снопомъ, точно шапкой. Молотятъ хлѣбъ на гумнѣ, которое мѣстами устраивается каменное; мѣстами же для него просто расчищаютъ твердое мѣсто на землѣ, посереди̇нѣ устанавливается столбъ, а вокругъ него гоняютъ по одной или парѣ лошадей или лошаковъ [1]). Молотятъ и ручнымъ способомъ—въ родѣ нашихъ цѣповъ.

Что касается самого урожая, то больше всего даетъ кукуруза; пшеница въ среднемъ даетъ самъ-десять. Оттого-то и цѣна на землю высока въ Черногоріи—не только потому, что ея мало, но и потому, что она много даетъ. При домѣ земля цѣнится много дороже, чѣмъ гдѣ-нибудь вдали отъ него; а тамъ, гдѣ больше простора, и земля всего дешевле.

Каждая семья владѣетъ своимъ отдѣльнымъ участкомъ, который непремѣнно огораживается —въ каменистыхъ мѣстностяхъ стѣнкою сухой

[1]) Лошакъ—помѣсь жеребца и ослицы.

кладки, а въ лѣсныхъ—изгородью изъ колючаго кустарника или просто жердями. Нерѣдко встрѣтить ниву размѣромъ не больше $^1/_{10}$ нашей десятины, и та перегорожена на нѣсколько отдѣльныхъ клочковъ рядомъ небольшихъ камней, а каждый такой клочокъ принадлежитъ отдѣльному собственнику. Точно такъ же всякій домъ имѣетъ свою отдѣльную рощицу (*дубрава*), гдѣ можетъ пастись и скотъ. Въ общемъ владѣніи братства [1]) состоитъ лишь *планина* (общественныя горныя пастбища), гдѣ находятся катуны да общій лѣсъ. Но случается порою, что съ общаго согласія извѣстная часть планины обращается въ пашню; тогда и она также дѣлится на отдѣльные участки, которые и поступаютъ въ полную собственность отдѣльныхъ домохозяевъ. Словомъ, черногорцы владѣютъ землей на правахъ частной собственности и могутъ располагать ею, какъ угодно: оставлять въ наслѣдство, дарить, дѣлить по своему усмотрѣнію. Лишь продажа земли на сторону нѣсколько ограничена закономъ: продающій сначала долженъ предложить ее своимъ и только когда не находится среди нихъ покупателей, онъ можетъ продать ее въ другое братство или племя.

Большимъ подспорьемъ къ хлѣбу является

---

[1]) Каждое племя въ Черногоріи дѣлится на братства, т.-е. какъ бы на рядъ мелкихъ племенъ; братства—на роды, роды—на семьи, а послѣднія—на дома.

здѣсь картофель (по-мѣстному *кртола*), который черногорцы узнали сравнительно недавно: впервые вывезъ его изъ Австріи предпослѣдній владыка Черногоріи—Петръ I. Сѣется картофель, главнымъ образомъ, на высокихъ мѣстахъ и различаютъ его нѣсколько сортовъ: ранній и поздній, бѣлый и розовый, круглый и длинный и т. д. Но народъ знаетъ только два сорта—русскій (родится въ болѣе холодныхъ мѣстахъ, очень разсыпчатый) и черногорскій. Нужно отдать справедливость черногорцамъ, что картофель ихъ отличается прекрасными качествами и само правительство озабочено его распространеніемъ: въ Цетинье устроенъ общественный садъ съ огородомъ для полученія различныхъ сѣмянъ этого важнаго питательнаго плода. Заботливо хранятъ картофель и зимою; для этого тутъ же, на нивѣ, выкапываютъ большую яму, хорошенько высушиваютъ ее (иногда даже огнемъ) и выкладываютъ мхомъ. Въ это-то зимнее помѣщеніе, называемое у черногорцевъ *трапъ*, и зарывается картофель вплоть до весны, ко времени посѣва. И хотя такія ямы сплошь и рядомъ бываютъ у самой дороги, никому и въ голову не придетъ покуситься на чужую собственность. Для домашняго употребленія такія же ямы вырываются при домахъ.

Въ большой чести и капуста, по-мѣстному *купус* или *зелье*. Она различается двухъ видовъ:

1) *главато*—вилковая, разводится преимущественно на высокихъ мѣстностяхъ; небольшая твердая головка ея съ нѣжными бѣлыми листьями квасится на зиму, и 2) *рашпан*—разводится, главнымъ образомъ, въ болѣе теплыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ долго не замерзаетъ зимой. Растетъ этотъ сортъ на высокомъ стеблѣ и даетъ лишь листья, которые употребляются въ свѣжемъ видѣ и зимою служатъ единственной свѣжей зеленью въ этихъ мѣстностяхъ.

Растетъ капуста тамъ же, гдѣ хлѣбъ и картофель, не требуя почти никакого ухода; даже при посадкѣ ее рѣдко гдѣ поливаютъ. Любопытно приготовляется разсада: гдѣ-нибудь возлѣ дома вскапываютъ маленькій клочокъ земли, поднимаютъ дернъ и сжигаютъ его. Вотъ этато зола и служитъ удобреніемъ. Послѣ посадки сѣмянъ сверху опять посыпаютъ золой—для защиты отъ насѣкомыхъ; отъ птицъ же огораживаютъ колючимъ кустарникомъ, имъ же покрываютъ и сверху. Особенно хороша бываетъ капуста съ нови—изъ-подъ срубленнаго и выжженнаго лѣса. Тамъ, гдѣ есть огороды, сѣютъ ее разныхъ сортовъ, но зато и ухода тамъ больше.

Огородничество не особенно процвѣтаетъ въ странѣ: черногорцы занимаются имъ лишь мѣстами и то, главнымъ образомъ, въ городахъ и ихъ окрестностяхъ. Разводятся на огородахъ—красный перецъ, лукъ, чеснокъ, бакла-

жаны, тыквы разныхъ сортовъ, и лишь недавно стали разводить помидоры, салатъ, цвѣтную капусту, рѣдиску и проч. Наша свекла, морковь, рѣдька, рѣпа, горохъ—почти неизвѣстны черногорцамъ.

Сѣютъ мѣстами и хорошіе сорта табаку, простой же, въ родѣ нашей махорки, можно встрѣтить по всей Черногоріи. Коноплю и ленъ сѣяли больше въ прежнія времена, но все же рѣдкій хозяинъ не отводитъ на своей нивѣ, гдѣ-нибудь въ уголкѣ, маленькій клочокъ для конопли. Въ прежнее бурное время изъ отбросовъ волоконъ, сбитыхъ въ комки, дѣлались пыжи для огнестрѣльнаго оружія, а теперь они идутъ лишь для чистки—какъ у насъ тряпка или мочалка.

Садоводства, какъ промысла, въ Черногоріи не существуетъ. Хотя здѣсь и сажаютъ всевозможныя фруктовыя деревья, какъ напр.—яблоки, груши, вишни, черешни, персики, абрикосы, гранаты и т. д.—но потомъ совсѣмъ не ухаживаютъ за ними, только подрѣжутъ изрѣдка да очистятъ отъ сухихъ вѣтвей. Вотъ почему черногорскіе фрукты идутъ лишь для домашняго употребленія, а тамъ, гдѣ существуетъ спросъ на хорошіе сорта, фрукты привозятся изъ другихъ мѣстностей. Однако съ каждымъ годомъ разводится все больше черная слива, изъ которой гонятъ *ракію* (водку). Хорошо растетъ и айва; дерево это, само по себѣ не-

большое, приноситъ очень крупные плоды и почти всегда даетъ обильный урожай. Черногорцы очень любятъ айву, варятъ изъ нея варенье и разныя смоквы, а когда вылежится, употребляютъ и въ сыромъ видѣ; на всевозможныхъ торжествахъ она подается вмѣстѣ съ орѣхами, яблоками и разными сластями.

Не послѣднее мѣсто въ черногорскомъ хозяйствѣ занимаетъ и виноградарство. Черногорцы гордятся своими винами, сравнивая ихъ съ лучшими французскими сортами. Къ сожалѣнію, они много теряютъ оттого, что жители приготовляютъ ихъ самыми первобытными способами, не имѣя понятія о тѣхъ научныхъ пріемахъ, которые употребляютъ французскіе винодѣлы. Сажаютъ виноградъ или сплошь на просторномъ ровномъ участкѣ или же уступами по склонамъ горъ; тутъ лоза идетъ лишь по краю, а за нею садится либо пшеница либо кукуруза. При уборкѣ винограда существуетъ похвальный обычай: всякаго прохожаго непремѣнно одѣляютъ спѣлыми гроздьями; точно такъ же приглашаютъ сюда и знакомыхъ, у которыхъ нѣтъ своихъ виноградниковъ; ихъ не только угощаютъ вволю, но даютъ еще съ собою и на-домъ. Для охраны виноградниковъ община нанимаетъ сторожей; но есть мѣста, гдѣ они такъ разбросаны, что общаго сторожа нанять немыслимо; тутъ жители обязаны на время созрѣ-

ванія винограда держать на привязи собакъ, которыя большіе любители этого вкуснаго плода. И если черногорецъ встрѣтитъ на своемъ участкѣ чужую собаку — онъ имѣетъ право тутъ же убить ее [1]). На этотъ счетъ сложилась даже поговорка: «Погибъ, какъ песъ на виноградникѣ!»

Послѣ винограда важнымъ подспорьемъ въ сельскомъ хозяйствѣ служатъ и оливковыя деревья, которыя охотно разводятся въ Черногоріи. *Маслинады*, какъ называютъ здѣсь эти насажденія, также требуютъ за собою значительнаго ухода. Сборъ маслинъ представляетъ веселую, живописную картину, напоминающую скорѣе праздничное торжество, чѣмъ будничную работу. Вся семья принимаетъ тутъ участіе; одни собираютъ плоды, другіе укладываютъ ихъ въ корзины, нагружая ими осликовъ. Громкая пѣсня звенитъ въ воздухѣ, шутки и смѣхъ слышны со всѣхъ сторонъ. Здѣсь и тамъ мелькаютъ черногорцы въ своихъ красивыхъ нарядахъ, погоняя нагруженныхъ осликовъ, или спѣша за новою добычей. Но любопытно, что и тутъ не забытъ меньшій братъ: въ началѣ и въ концѣ сбора нѣсколько дней уступается бѣднякамъ...

Распространены въ Черногоріи и тутовыя деревья, которыя прекрасно уживаются здѣсь

[1]) Это единственный случай, когда законъ разрѣшаетъ убить собаку.

даже на высокихъ мѣстахъ. Часто среди голыхъ скалъ, гдѣ-нибудь возлѣ дома, можно встрѣтить великолѣпное тутовое дерево, далеко раскинувшее свои густыя тѣнистыя вѣтви. Въ лѣтній зной этотъ природный шатеръ является незамѣнимымъ прибѣжищемъ для людей и скота. Его рано созрѣвающій плодъ—первое лакомство для черногорца, но главная цѣль разводки этого растенія—воспитывать шелковичныхъ червей. Къ сожалѣнію шелководство находится пока еще въ самомъ жалкомъ состояніи въ Черногоріи. Одно время изъ Италіи пошелъ-было спросъ на тутовыя сѣмена, когда появилась тамъ болѣзнь на шелковичнаго червя; но потомъ болѣзнь эту завезли оттуда и въ Черногорію и торговля эта прекратилась.

То же самое можно сказать и о пчеловодствѣ: хотя оно и довольно развито въ странѣ, но до сихъ поръ находится въ первобытномъ состояніи. Еще слѣдуетъ упомянуть о собираніи лавроваго листа и дикой ромашки; послѣдняя въ изобиліи растетъ на горныхъ высотахъ и подъ именемъ «далматскаго порошка» идетъ въ продажу противъ насѣкомыхъ.

Огромное значеніе имѣетъ для черногорцевъ скотоводство. Хотя имъ въ большей или меньшей степени занимаются по всей странѣ, но по крайней мѣрѣ для половины жителей—это главное средство къ существованію. Разво-

дится, преимущественно, рогатый скотъ—крупный и мелкій; въ небольшомъ количествѣ и свиньи. Лошадей въ Черногоріи очень мало, такъ какъ въ гористыхъ мѣстностяхъ для работы болѣе пригодны ослы и мулы, да и содержаніе ихъ обходится дешевле.

Мы уже знаемъ, что природа обдѣлила черногорца землей, поэтому занятіе скотоводствомъ является большимъ подспорьемъ въ его бѣдномъ хозяйствѣ, доставляя какъ пищу, такъ и матеріалъ для одежды. Къ сожалѣнію, и покосами не можетъ похвалиться Черногорія, а въ каменистой ея части ихъ почти и совсѣмъ нѣтъ; растетъ тамъ клочками между скалъ особая трава, хотя и довольно питательная, но такая жесткая, что съ непривычки лошадь отказывается ѣсть ее, а если ужъ ѣстъ, то набиваетъ себѣ зубы. Траву эту жнутъ серпомъ и вяжутъ въ снопы, но въ виду того, что за нею приходится карабкаться по высокимъ скаламъ, то добывать ее не легко, а порою и не безопасно: нерѣдко женщины въ погонѣ за этимъ кормомъ обрываются, получаютъ увѣчья, а иногда и прямо убиваются на смерть. Настоящіе покосы бываютъ только на высокихъ горныхъ равнинахъ, гдѣ устраивается даже искусственное орошеніе луговъ. Но вообще луговодство находится еще и до сихъ поръ въ Черногоріи въ первобытномъ состояніи; а между тѣмъ тамъ растетъ очень много

видовъ клевера, горошка и злаковъ въ дикомъ состояніи, откуда можно заключить, что если бы жители занялись сѣяніемъ этихъ травъ, то дѣло пошло бы весьма успѣшно. Однако лишь въ немногихъ мѣстахъ на это обращается должное вниманіе, такъ какъ мелкій скотъ бо́льшую часть года обходится подножнымъ кормомъ. А между тѣмъ луговодство является жизненнымъ вопросомъ для черногорца, такъ какъ при неурожаѣ сѣна, скоту грозитъ полнѣйшая гибель. За послѣднее время скотоводство и такъ уже сильно пало въ странѣ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о торговлѣ и ремеслахъ черногорцевъ; но тутъ мы опять должны вернуться къ прошлой жизни этого народа. Вѣдь какъ по природѣ, такъ и по наклонностямъ своимъ, черногорецъ прежде всего воинъ; вся исторія его многострадальной родины показываетъ намъ, что ему постоянно приходилось быть наготовѣ для защиты ея, такъ что ни охоты, ни времени для занятія промышленностью или ремеслами у него и быть не могло. И вотъ до самыхъ еще недавнихъ поръ черногорецъ считалъ для себя постыдными эти занятія. Поэтому торговлю въ княжествѣ вели чаще всего турки и славяне сосѣднихъ земель, а ремеслами занимались преимущественно албанцы. Предметы одежды изготовлялись исключительно женщинами; и понынѣ еще черногорки прядутъ, ткутъ и обши-

ваютъ какъ себя, такъ и мужчинъ; фабрикъ или мастерскихъ для этого не существовало до самаго послѣдняго времени.

Князь Николай не мало заботится о поднятіи промышленности въ странѣ и о насажденіи ремеслъ среди черногорцевъ; немало пришлось ему бороться съ народнымъ отвращеніемъ къ этому мирному труду. Вотъ какъ появился, напримѣръ, первый ремесленникъ въ Черногоріи—сапожникъ Чокета.

Молодой человѣкъ, изъ племени Бѣлопавличей, Чокета горячо стремился къ священническому званію. Онъ готовился къ нему въ какой-то духовной школѣ и считалъ уже себя близкимъ къ цѣли, какъ вдругъ владыка отказался посвятить его, такъ какъ онъ хромалъ на одну ногу. Чокета стоялъ на распутьи и не зналъ, за что взяться. Какъ разъ въ это время черногорскій князь Николай, задумавъ во что бы то ни стало завести ремесленниковъ-черногорцевъ, выписалъ изъ Австріи нѣсколькихъ учителей, созвалъ юношей изъ многихъ семей и предложилъ имъ приступить къ дѣлу. Но князю не удалась его затѣя: кому только онъ ни предлагалъ — всѣ отказывались наотрѣзъ. «Господару! [1])—какъ одинъ человѣкъ отвѣчали ему обиженные юноши,—наши предки воевали съ турками, а не сапоги шили! Если же ты

[1]) Такъ черногорцы называютъ своего князя.

заставишь насъ работать силой, то мы убѣжимъ въ Турцію!»—И не только молодежь, взбунтовались и родители намѣченныхъ ремесленниковъ, такъ что князю пришлось-было совсѣмъ отказаться отъ своего намѣренія, какъ вдругъ на прогулкѣ онъ столкнулся разъ съ хромымъ Чокетой. Новая мысль осѣнила его.

— Слушай, Чокета! — обратился къ нему князь, — если ты не согласишься работать, я повѣшу тебя, такъ и знай!

— Твоя воля, господару! — спокойно отвѣчалъ тотъ, — лучше смерть, чѣмъ такое постыдное ремесло...

Князь сталъ разувѣрять его.

— Какъ постыдное?! Да развѣ честный трудъ можетъ быть постыднымъ? Знаешь ли ты, что многіе европейскіе государи обучаются ремесламъ, а не то что такой бѣдняга, какъ ты. Вотъ что, другъ: пойдемъ-ка съ тобой вмѣстѣ къ сапожнику и поработаемъ оба. Тогда ужъ народъ не станетъ смѣяться надъ тобой. А если вздумаетъ кто, такъ ты ему скажи: я заодно съ своимъ господаремъ работалъ!

И вотъ князь засѣлъ за работу вмѣстѣ съ Чокетой, и это поощрило его къ дальнѣйшему труду. Такъ явился первый черногорскій сапожникъ, и вѣковой предразсудокъ былъ побѣжденъ. Это было не такъ давно, а именно— въ 1869 г. Но народъ все-таки презрительно

относился къ Чокетѣ и говорилъ ему: «Ты избралъ себѣ бабье дѣло!» Зато женщины хвалили его, называя своимъ другомъ...

Теперь, перейдя на мирный образъ жизни, черногорцы подвигаются постепенно и въ этомъ отношеніи. Что же касается торговли, то она внутри страны сосредоточивается, главнымъ образомъ, на базарахъ, куда стекаются жители самыхъ далекихъ нахій (округовъ); сюда привозятъ они масло, сыръ, домашнюю птицу, сушеное мясо, хлѣбъ, всевозможные плоды и овощи. Такихъ базаровъ до недавняго времени было всего пять во всей Черногоріи. Сюда же являются съ своими произведеніями и жители пограничныхъ мѣстностей—австрійцы, албанцы и др. Они привозятъ хлѣбъ, соль, одежду, обувь, платки, полотно, желѣзный товаръ, разную посуду, оружіе и прочіе предметы, въ которыхъ нуждаются черногорцы. Въ свою очередь, и эти послѣдніе вывозятъ свои продукты на сосѣдніе турецкіе и особенно австрійскіе базары, а именно: сушеную рыбу, мясо, картофель, крупный и мелкій рогатый скотъ, овечью шерсть, кожи, сыръ, вино, медъ и проч.

Черногорцы не имѣютъ своей собственной монеты, такъ что въ княжествѣ въ ходу всевозможныя деньги другихъ европейскихъ государствъ. Однако, при расчетахъ сумма выводится всегда на австрійскія деньги—гульдены

или флорины[1]). Въ нѣкоторыхъ пограничныхъ съ Австріей мѣстностяхъ идутъ и австрійскія бумажныя деньги, но черногорецъ держать у себя ихъ не любитъ: получивъ бумажку, онъ спѣшитъ или израсходовать ее на нужныя покупки, или же пойти на сосѣдній австрійскій базаръ и обмѣнить на звонкую монету.

Глава III.

Вѣрованія черногорцевъ. — Праздники. — Суевѣрія и предразсудки.

Несмотря на то, что черногорцы издавна исповѣдуютъ православную вѣру, у нихъ существуетъ множество вѣрованій и обрядовъ, совершенно незнакомыхъ намъ, русскимъ. Многіе изъ нихъ носятъ на себѣ печать сѣдой старины и, несмотря на свой полуязыческій характеръ, придаютъ прелесть и уютъ тяжелой жизни бѣднаго черногорца. Особенно важное значеніе имѣли эти обряды раньше, когда вѣчно озлобленный, неизмѣнно воевавшій народъ отдыхалъ на нихъ, и хотя на время вносили они миръ въ его измученную душу.

Но ни одинъ праздникъ не сопровождается такими любопытными обрядами, какъ черногорскій *Божичъ* (Рождество Христово). Празд-

[1]) Звонкая монета, на которую ведется счетъ въ Австро-Венгріи. Когда-то она чеканилась изъ золота, нынѣ же исключительно серебряная.

никъ этотъ считается превыше Пасхи и всѣхъ остальныхъ; задолго еще черногорецъ (какъ и всѣ сербы вообще) начинаетъ готовиться къ нему и долго спустя живетъ воспоминаніями о прошедшихъ веселыхъ дняхъ.

Вотъ наступило предпослѣднее воскресенье—до праздника уже рукой подать. Сегодня *материце* [1])—какъ называютъ этотъ день черногорцы. Ликуютъ дѣти. Уже давно они ждутъ не дождутся этого радостнаго дня: мать непремѣнно напечетъ имъ любимыхъ *пришаницъ* [2]) и раздастъ обычные подарки изъ разныхъ гостинцевъ. А тамъ, не успѣли оглянуться, какъ промчалась недѣля и настали уже *очичи* [3]). Теперь очередь отцовъ одѣлять лакомствами ребятъ, которые, однако, на этотъ разъ не довольствуются ими и пускаются на слѣдующія хитрости. Стоитъ только отцу сплоховать, задумавшись надъ чѣмъ-нибудь, какъ ловкіе малыши одинъ за другимъ тихонько подкрадываются къ нему и незамѣтно привязываютъ его за руку или за ногу къ столу или скамейкѣ. Тогда уже отецъ долженъ откупаться отъ шалуновъ деньгами и волей-неволей раскошеливаться. То-то веселья и смѣха въ маленькомъ царствѣ! Но зато скоро наступитъ день, когда и отецъ будетъ продѣлывать то же самое

[1]) Материнское воскресенье.
[2]) Родъ оладьевъ.
[3]) Отцовское воскресенье—послѣднее передъ Рождествомъ.

съ своими ребятами: это—29 декабря, и называется этотъ день *дѣтинци* [1]).

Вотъ до Рождества осталось уже лишь нѣсколько дней. Чувствуется близость торжественныхъ мгновеній. Миръ и ладъ въ семьѣ черногорца: во всю послѣднюю недѣлю никто не смѣетъ ударить другого — ни дѣти другъ друга, ни даже родители дѣтей; иначе, по повѣрью народа, на ударившаго вскочитъ злой чирій. Но раздраженный человѣкъ можетъ увлечься и нарушить строгій запретъ. Тогда пострадавшій, чтобы избавить виновнаго отъ злой кары, долженъ поскорѣе проговорить: «Чири-мири, двадесет четири!» [2]) Хоть немного смысла въ этихъ словахъ, но велико ихъ цѣлебное свойство по повѣрью темнаго черногорца!..

Наконецъ, наступилъ и рождественскій сочельникъ или *бадни-дан* [3]), какъ его называютъ черногорцы. Весь день проводятъ они въ строгомъ постѣ; многіе ѣдятъ лишь сухой хлѣбъ, а то и вовсе остаются безъ пищи. А выпить любимый кофе или съѣсть что-нибудь сваренное на огнѣ — прямо считается смертнымъ грѣхомъ; лишь старикамъ разрѣшается рюмочка ракіи (водки), остальные же должны ждать до вечера.

---

[1]) Дѣтскій.

[2]) „Чирій милый, двадцать четыре!“

[3]) Т.-е. день бадняка. О послѣднемъ рѣчь будетъ впереди.

А въ домѣ весь день—невообразимая суета: всѣ готовятся къ торжественному празднику. Закупаются водка и вино, если нѣтъ собственнаго приготовленія; зато во всякомъ хозяйствѣ непремѣнно найдется домашняя ветчина и сушеное мясо, готовятся всевозможныя колбасы, начиненныя мясомъ и саломъ, рисомъ или кукурузною мукой. А вонъ въ углу, сиротливо прислонившись къ стѣнкѣ, стоитъ и главное украшеніе рождественскаго стола,—чисто выпотрошенный, вымытый баранъ, который ночью будетъ зажариваться на вертелѣ. Если дозволяетъ достатокъ, рядомъ съ нимъ красуется и поросенокъ, начиненный рисомъ съ изюмомъ. А иная хозяйка вмѣсто этой вкусной начинки ухитрится засунуть въ поросенка цѣлую курицу, а въ курицу яйцо. Когда при жареніи яйцо лопнетъ, значитъ — *пециво* [1]) готово.

Но и у мужчинъ есть свои заботы. Еще до полудня далеко, а хозяинъ или старшій сынъ его, въ сопровожденіи кого-либо изъ малышей, отправляется въ лѣсъ: надо срубить рождественское дерево—*бадняк*, безъ котораго немыслимъ этотъ праздникъ въ Черногоріи. Для этого выбирается прямой молодой дубокъ, сажени въ $1^1/_2$ вышиной, и только тамъ, гдѣ нѣтъ дуба, черногорецъ мирится на елкѣ или молодой сосенкѣ.

[1]) Такъ называется рождественскій баранъ или поросенокъ.

Срубить юное деревцо недолго, но и тутъ дѣло не такъ-то просто, какъ это кажется съ перваго взгляда: всѣ пріемы давнымъ-давно освящены древнимъ обычаемъ. Помолившись на востокъ, дабы призвать благословеніе Божіе, богобоязненный черногорецъ благоговѣйно опускается на колѣни и принимается рубить дубокъ, держась какъ можно ближе къ корню. Однако, надрубитъ онъ его только до середины. Далѣе, все въ томъ же положеніи, на колѣняхъ, онъ передвигается по другую сторону дерева и тутъ начинаетъ уже рубить его вершковъ на пять выше, и опять-таки только до середины. И вотъ, поднявшись съ колѣнъ, онъ принимается валить дубокъ въ сторону нижней зарубки. Благодаря этому деревцо отщепляется внизу, и конецъ этотъ называется у черногорцевъ *придавак*. Когда дубокъ сваленъ, срубаются всѣ вѣтки его, за исключеніемъ самой верхней, и то оставляется лишь часть ея, но непремѣнно съ нѣсколькими листьями: въ Черногоріи дубъ нерѣдко сохраняетъ до самаго Рождества не только листву, но и зеленый цвѣтъ ея.

Кромѣ этого главнаго бадняка, тѣмъ же самымъ способомъ срубаются и еще нѣсколько деревцовъ потоньше—по числу мужчинъ въ домѣ, и сверхъ того одно лишнее—чтобы семья увеличилась еще однимъ мальчикомъ въ наступающемъ году... Тутъ уже самое живое участіе принимаетъ, обыкновенно, и маленькій сынишка

хозяина. Эти маленькія деревья называются *баднярицы*.

По возвращеніи домой, всѣ они прислоняются къ наружной стѣнкѣ, справа отъ входныхъ дверей, непремѣнно толстыми концами внизъ Какъ дорогъ баднякъ черногорцу, видно изъ того, что если кто хочетъ выказать свое особое расположеніе кому-нибудь, то онъ потихоньку приноситъ къ его дому такое деревцо.

Въ Цетинье, гдѣ многіе жители не имѣютъ своей собственной земли, бадняки привозятся на продажу сосѣдними поселянами, при чемъ торговаться на этотъ разъ считается за грѣхъ и даютъ столько, сколько запросятъ. Еще не такъ давно въ торжествѣ срубанія бадняка принималъ участіе и нынѣ царствующій черногорскій князь Николай. Окруженный многочисленными придворными, высшими сановниками, войскомъ и народомъ, онъ отправлялся въ чей-нибудь ближайшій лѣсокъ и собственноручно срубалъ первый баднякъ. За нимъ то же самое продѣлывали и остальные, а хозяинъ лѣса получалъ отъ князя денежный подарокъ.

Но вотъ начиналось обратное шествіе въ столицу. Картина незнакомая намъ, но поразительно живописная! Пѣхота несетъ на плечахъ тяжелыя деревья; кавалеристы везутъ огромный княжескій баднякъ съ сохранившимися еще осенними листьями; неумолчные ружейные и

пистолетные выстрѣлы—эти неизмѣнные спутники всякаго черногорскаго торжества—не перестаютъ оглашать воздухъ; крики «живіо!», «виватъ!» перекатываются отъ одной народной волны къ другой и сопровождаютъ все шествіе вплоть до княжескаго дворца.

Итакъ, баднякъ привезенъ. Близится вечеръ. Вотъ уже всѣ кушанья готовы и начинается уборка избы: убирается все съ середины горницы, что только находится поблизости отъ огнища, гдѣ варится пища. А особенно зорко наблюдаютъ при этомъ, чтобы не оставалось ничего желѣзнаго: уносятъ кочергу, котелокъ, въ которомъ только что сварили пищу, сама цѣпь, къ которой онъ подвѣшивается, и та поднимается какъ можно выше: вмѣсто желѣзнаго бруска, на который въ обыкновенное время опираются концы дровъ, на этотъ разъ подкладывается камень. Убравъ, наконецъ, все—до послѣдней скамейки, хозяйка чисто-начисто подметаетъ полъ. Но вотъ и хозяинъ съ огромною охапкой соломы въ рукахъ; на ходу онъ разбрасываетъ ее кучками, а ребятишки проворно снуютъ вслѣдъ и разстилаютъ ее по полу. Обычай этотъ установленъ въ воспоминаніе рожденія Христа въ ясляхъ.

Густыя сумерки быстро спустились на землю. Огромная куча дровъ весело трещитъ на огнищѣ, горитъ яркимъ пламенемъ. Наступаетъ торжественная минута: сейчасъ начнутъ вносить

бадняки по домамъ. Для непричастнаго зрителя представляется тутъ своеобразная, необычная картина. Среди наступившаго мрака, непрерывно въ теченіе получаса и болѣе, то тутъ, то тамъ вспыхиваютъ привѣтные огоньки, смутно мелькаютъ огромныя человѣческія тѣни, оглушительно гремятъ выстрѣлы; ихъ стремительно подхватываетъ горное эхо, несетъ отъ уступа къ уступу, и чудится—точно сказочное войско великановъ зашевелилось и тѣшится въ горахъ...

Но это только хозяинъ каждаго дома, окруженный всѣми мужчинами въ семьѣ, вышелъ наружу, чтобы внести въ горницу рождественскій баднякъ. Если случайно въ домѣ оказался дальній гость, почему-либо не успѣвшій попасть къ себѣ на это великое торжество, то и на его долю полагается баднякъ. А у женщинъ въ это время своя забота: хозяйка прилѣпляетъ къ обѣимъ сторонамъ наружной двери по восковой свѣчкѣ, потомъ вмѣстѣ съ остальными женщинами становится у внутренней стороны двери; въ лѣвой рукѣ у нея чашка съ кукурузой, пшеницей и другимъ добромъ.

Вотъ хозяинъ взялся уже за главный баднякъ. Онъ бережно повертываетъ его толстымъ концомъ впередъ и торжественно несетъ въ домъ, обращаясь къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

— Здравствуйте! Многія лѣта всѣмъ вамъ!

— Да будетъ такъ!—громко несется со всѣхъ сторонъ въ отвѣтъ ему. Тутъ хозяйка забираетъ горсть жита изъ чашки и посыпаетъ имъ порогъ дома, чтобы удался урожайный годъ...

За хозяиномъ тѣмъ же порядкомъ вносятъ свои баднярицы и каждый мужчина въ семьѣ. Отецъ кладетъ свой баднякъ на огнище: его толстый конецъ, по-черногорски—*глава*, украшенный зеленою вѣткой плюща, елки или можжевельника, долженъ непремѣнно свѣшиваться четверти на полторы изъ огня; остальные кладутъ на него свои баднярицы поперекъ, крестъ-на-крестъ. Но вотъ хозяинъ беретъ бутылку вина, три раза льетъ на «главу» бадняка; туда же въ огонь бросаетъ горсть зеренъ или кусокъ хлѣба, приговаривая: «На много лѣтъ и пусть первый изъ нихъ будетъ лучшимъ!» При этомъ онъ призываетъ благословеніе Божіе на свой домъ, на всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ членовъ его, на всѣ дѣла ихъ, на будующій урожай. «Аминь!—благоговѣйно вторятъ ему домочадцы,—да будетъ такъ!» Тутъ хозяинъ выходитъ изъ дому и, по неизмѣнному обычаю черногорцевъ, стрѣляетъ изъ пистолета; то же самое продѣлываютъ за нимъ и остальные мужчины, нерѣдко до самыхъ крошечныхъ ребятъ... Вернувшись въ домъ, отецъ выпиваетъ немного вина, передавая потомъ бутылку каждому изъ сыновей; до ма-

тери доходитъ она уже послѣдней. Пьется вино «у славу Божу и у славу Рожества Христова».

Женщина не можетъ, по закону, вносить баднякъ; поэтому вдова, не имѣющая сыновей, хотя бы это былъ самый маленькій мальчуганъ, обязана пригласить на такой случай кума или кого-либо изъ родственниковъ.

Въ Цетинье, столицѣ Черногоріи, жители вносятъ бадняки въ дома лишь послѣ того, какъ раздастся пушечный выстрѣлъ: это значитъ, что только-что внесли баднякъ у князя во дворцѣ и теперь могутъ продѣлывать то же самое и остальные жители. То-и-дѣло по улицамъ гремятъ выстрѣлы; стрѣляютъ изъ верхнихъ и нижнихъ этажей, и непосвященному въ дѣло чужестранцу чудится, что не праздникъ мира и любви вѣщаютъ торжественно люди, а идетъ самый жаркій бой... Къ счастію, въ послѣднее время запрещено на этотъ случай стрѣлять полнымъ зарядомъ, а стали готовить холостые патроны.

Но вотъ, наконецъ, всѣ садятся за ужинъ. Поверхъ соломы, на полу постилается *струка* [1]), или вообще что-нибудь шерстяное, и тутъ устанавливаются всѣ кушанья, а семья разсаживается по-турецки, скрестивъ подъ себя ноги. Приступая къ ѣдѣ, старшіе прежде всего выпиваютъ по рюмкѣ ракіи. Ложки за трапезой

---

[1]) Верхнее одѣяніе черногорца.

должны быть непремѣнно деревянныя; въ хлѣбъ воткнуты три зажженныя свѣчи въ честь св. Троицы. По окончаніи ужина, при неизбѣжныхъ гулкихъ выстрѣлахъ, провозглашаются всевозможныя пожеланія.

И тутъ дѣти принимаются веселиться на славу: они кувыркаются на соломѣ, шумно разыскиваютъ монету, которую нерѣдко зарываютъ въ нее старшіе, прыгаютъ, пляшутъ, ведутъ хороводы, распѣвая нарочно сложенныя на этотъ случай рождественскія пѣсенки. Натѣшившись вдоволь, они отправляются спать. Расходятся понемногу и взрослые. Лишь одинъ хозяинъ бодрствуетъ и стережетъ баднякъ: по обычаю, рождественскій огонь поддерживается всю ночь; только къ утру онъ можетъ лечь спать, и то только тутъ же, у огнища.

Любопытно, что пока горитъ баднякъ, никто изъ постороннихъ не долженъ входить въ домъ, изъ хозяевъ же выходить наружу. Однако, послѣднее не такъ-то легко для черногорца: по природѣ онъ необыкновенно общителенъ, тоскуетъ безъ людей, и этотъ невольный плѣнъ давитъ его. Ему нужно дать исходъ своему радостному чувству, нужно подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ высокимъ настроеніемъ. И вотъ, онъ не выдерживаетъ тяжелаго искуса. Зная, что и сосѣди не спятъ и такъ же томятся въ одиночествѣ, хозяинъ въ концѣ концовъ пробирается наружу и начинаетъ перекликаться съ кѣмъ-

нибудь изъ нихъ. Часто разстояніе между ними очень значительное, такъ какъ черногорскія села разбросаны на большое пространство по горамъ.

— Ей, Ми-и-ирко!..—вдругъ гулко раздается среди затихшей ночи.

— Эво ме, Ра-а-до! [1])—чрезъ мгновеніе доносится откуда-то изъ непроглядной тьмы. И вотъ начинается обмѣнъ взаимныхъ привѣтствій, изъ которыхъ каждое непремѣнно сопровождается выстрѣломъ. До самаго утра несется со всѣхъ сторонъ такая своеобразная перекличка, и гулкіе выстрѣлы будятъ окрестную тишину...

Но вотъ уже близится и самый праздникъ; до разсвѣта осталось не болѣе часа. Уже готовъ изжаренный на вертелѣ баранъ, отъ котораго дымъ и чадъ до сихъ поръ еще наполняютъ комнату. А вонъ загудѣлъ и колоколъ—раздался торжественный благовѣстъ къ заутренѣ; однако, лишь самые набожные откликаются сейчасъ на этотъ призывъ и спѣшатъ въ церковь. И только за обѣдней, которая слѣдуетъ тотчасъ же за заутреней, считаетъ своимъ долгомъ присутствовать каждый домохозяинъ, а съ нимъ и кто-либо изъ домашнихъ. Черногорскія церкви необыкновенно малы—и тремъ десяткамъ молящихся въ нихъ тѣсно.

---

[1]) „Вотъ я, Радо!“

Исключеніе составляетъ выстроенный въ 1899 г. въ гор. Никшичѣ храмъ во имя св. Василія Острожскаго—высокочтимаго народомъ чудотворца и цѣлителя. Онъ отличается и внѣшнею красотой и вмѣстимостью: до 2000 человѣкъ могутъ возносить въ немъ хвалу Богу и находить утѣшеніе въ жизненныхъ невзгодахъ...

Кончилась служба. Священникъ съ крестомъ выходитъ изъ алтаря и торжественно провозглашаетъ:

— Христосъ се родио!

— Ва истину се родио! — несется со всѣхъ сторонъ отвѣтъ, и такъ повторяется три раза. Приложившись ко кресту, начинается взаимное цѣлованіе, какъ у насъ на Пасху, при чемъ обмѣниваются такими привѣтствіями:

— Миръ Божи! Христосъ се родио!

— Ва истину се родио! — снова слѣдуетъ отвѣтъ. И такое цѣлованіе и обмѣнъ привѣтствій продолжаются у черногорцевъ цѣлую недѣлю.

Между заутреней и обѣдней существуетъ въ Черногоріи еще одинъ прелюбопытный обычай. Кто-нибудь изъ младшихъ членовъ семьи беретъ *торбицу* (сумку), кладетъ туда бутылку вина, нѣсколько яблоковъ, апельсиновъ, или другихъ фруктовъ, и, захвативъ на придачу маленькій баднякъ, отправляется въ особенно близкій для семьи домъ поздравлять съ праздникомъ.

Явившись туда, гость — или, какъ называютъ его въ этомъ случаѣ, *полазник*—прежде всего кладетъ принесенный съ собой баднякъ на огнище, потомъ принимается ворошить во всѣ стороны главный хозяйскій баднякъ, чтобы вырвалось какъ можно больше искръ. И вотъ, когда цѣлый снопъ ихъ взовьется кверху, полазникъ, глядя на нихъ, быстро произноситъ:

— Пусть прибудетъ у васъ столько барановъ, коровъ и лошадей, сколько искръ вылетѣло изъ бадняка!

Только послѣ этого онъ начинаетъ поздравлять хозяевъ съ праздникомъ, цѣлуется со всѣми и торжественно преподноситъ бутылку вина; хозяева переливаютъ вино въ свой сосудъ, а ему взамѣнъ наливаютъ своего. Принесенные фрукты онъ раздаетъ женщинамъ и дѣтямъ, а тѣ отдариваютъ его тѣмъ же. Полазникъ считается желаннымъ гостемъ во всякой черногорской семьѣ — по народному повѣрью онъ приноситъ счастіе въ домъ, и его, обыкновенно, не отпускаютъ безъ обѣда. Но весь почетъ воздается лишь первому гостю, такъ что если въ одинъ и тотъ же домъ ихъ направляется нѣсколько, то каждый стремится войти туда первымъ.

Обѣдъ въ первый день Рождества полагается тотчасъ же послѣ обѣдни, и къ приходу хозяина изъ церкви все уже готово. Всѣ разсаживаются на этотъ разъ вокругъ низенькаго

круглаго стола, а сами опять-таки сидятъ на полу, по-турецки: скамеекъ и въ этотъ день не полагается. Посреди стола красуется большой плоскій пшеничный хлѣбъ; сверху онъ разукрашенъ всевозможными узорами, а внутри запечена монета; три воткнутыя въ него свѣчи горятъ, какъ и наканунѣ. А вокругъ — водка, вино, ветчина, колбасы, жареный баранъ и всевозможныя лакомства. Кто-нибудь изъ домашнихъ читаетъ «Отче нашъ», послѣ чего хозяинъ разламываетъ хлѣбъ и одѣляетъ имъ всю семью. Нечего говорить, что тутъ всякій прежде всего торопится отыскать въ своей долѣ желанную монету.

Въ первый день въ гости ходятъ одни только мужчины; женщины сидятъ дома, принимаютъ и угощаютъ гостей. Молодежь забавляется и веселится на славу гдѣ-нибудь внѣ дома. И лишь на второй день праздника наступаетъ очередь женщинъ: нарядившись въ свои лучшія праздничныя одежды, онѣ уходятъ, а дома остается хозяинъ.

Но какъ бы ни веселились черногорцы въ эти праздничные дни, сколько бы ни ходили по гостямъ, — все-таки на первомъ планѣ остается баднякъ, на который и устремлено главное вниманіе. Всѣ зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не прекращался огонь, то и дѣло подкладываютъ дрова, и всякій новый пришелецъ, прежде чѣмъ поздороваться съ хозяиномъ,

считаетъ своимъ священнымъ долгомъ поворошить баднякъ и высказать свои пожеланія, послѣ того какъ вихрь искръ взовьется кверху.

Чрезъ три дня убирается изъ дома солома. Но такъ какъ ей придается теперь чудодѣйственное значеніе, то она отнюдь не выбрасывается вонъ: часть идетъ въ кормъ скоту, а часть разбрасывается по нивѣ, чтобы былъ хорошій урожай...

Какъ мы уже сказали, черногорцы чтятъ свой «Божичъ» превыше всѣхъ праздниковъ. Вотъ какъ описываетъ его владыка Петръ II, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ поэтовъ Черногоріи.

«Праздновалъ я *Божичъ* въ Виѳлеемѣ,
Праздновалъ его я на горѣ Аѳонской,
И въ Кіевѣ святомъ его я славилъ;
Нашъ же праздникъ всѣхъ превыше
Простотой своею и весельемъ.
Не пылаетъ никогда такое пламя;
А кругомъ разсыпана солома;
Накрестъ лежатъ на огнѣ бадняки;
Гремятъ ружья; вертятся *пецива;*
Гудятъ гусли; поютъ хороводы;
Дѣды пляшутъ съ внучатами заодно;
Три пояса (поколѣнія) пляшутъ въ одномъ *колѣ* [1]),
Всѣ,—сказалъ бы,—будто однолѣтки.
Дивной радостью все дышитъ;
А что по мнѣ всего дороже—
Что для всякаго есть своя здравица»... [2])

[1]) Хороводѣ.

[2]) Къ сожалѣнію, прекрасное стихотвореніе это много теряетъ въ русскомъ переводѣ.

Не менѣе любопытно и празднованіе кануна Новаго года. Опять вся семья въ сборѣ вокругъ привѣтнаго очага, гдѣ догораютъ теперь уже остатки рождественскаго бадняка, нарочно собранные и сохраненные на этотъ случай. И вотъ, черногорецъ до страсти боится какъ-нибудь не наступить на баднякъ: по темному повѣрью его, онъ непремѣнно умретъ тогда въ новомъ году. Вѣритъ онъ также, что въ эту ночь свершается чудо: сколько бы ни накалялся желѣзный крюкъ надъ очагомъ—онъ не жжется и каждый смѣло можетъ, будто бы, дотронуться до него руками...

Съ наступленіемъ утра начинаются взаимныя поздравленія и пожеланія—даже между совершенно незнакомыми людьми. На столѣ догораютъ рождественскія свѣчи, при чемъ хозяинъ, разливая присутствующимъ вино, старается всячески потушить ихъ. И если при этомъ одна изъ нихъ всетаки остается горѣть, то это возвѣщаетъ добро тому, кто сидитъ передъ нею...

Въ Цетинье Новый годъ встрѣчаютъ въ послѣднее время больше на европейскій ладъ. Къ 12 часамъ ночи къ князю собираются всѣ приближенные, высшее и среднее чиновничество, представители иностранныхъ государствъ. Ровно въ полночь раздается пальба изъ пушекъ, возвѣщающая жителямъ о томъ, что старый годъ канулъ въ вѣчность и на смѣну ему явился новый таинственный незнакомецъ...

А на утро, послѣ обѣдни, всѣ снова отправляются съ поздравленіемъ къ князю, такъ же какъ и къ наслѣднику престола. Понемногу и другіе города перенимаютъ у столицы эти новые обычаи, но сельское населеніе попрежнему придерживается старины.

Въ Крещенье, обыкновенно, происходитъ освященіе домовъ святою водой. Особенную святость приписываютъ черногорцы водѣ, освященной наканунѣ, признавая за ней такую же силу, какъ и за св. причастіемъ. Но держать ее больше трехъ дней въ домѣ считается грѣхомъ; вотъ почему ее стараются выпить уже на другой день.

Изъ другихъ православныхъ праздниковъ не всѣ имѣютъ одинаковое значеніе для черногорца. На масленицу, напримѣръ, не ѣдятъ мяса, чѣмъ только и отличается этотъ праздникъ отъ обыкновенныхъ скоромныхъ дней. Вмѣсто нашихъ блиновъ пекутъ уже знакомыя намъ *прпаницы*—родъ оладьевъ.

По селамъ принято мѣстами рядиться на масленицу, при чемъ продѣлывается это самымъ безобиднымъ образомъ, какъ и у насъ въ деревняхъ: выворачиваютъ одежду, прилаживаютъ бороду и усы. Въ столицѣ — Цетинье — стали за послѣднее время появляться ряженые и въ маскахъ, какъ это принято и въ другихъ европейскихъ городахъ. Замаскированныхъ можно встрѣтить по улицамъ не только вечеромъ, но

и днемъ; они ходятъ по домамъ, пляшутъ подъ гармонію, всячески шутятъ и забавляются, отчаянно пищатъ, чтобъ ихъ не узнали по голосу. Въ этихъ маскарадахъ участвуютъ одни только мужчины.

Но особенно шумное веселье бываетъ въ нашъ прощеный день, хотя всѣ при этомъ и совершенно трезвы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Черногоріи, особенно когда масленица еще поздняя, къ этому времени уже тепло, и тутъ-то веселятся на полномъ привольѣ! Горы попрежнему закутаны снѣжною пеленой, но внизу уже ярко зеленѣетъ молодая весенняя травка. Все населеніе—отъ мала до велика—высыпаетъ на равнину и начинается беззавѣтное веселье. Молодежь играетъ во всевозможныя игры, звенитъ шумная пѣсня, все кругомъ—движеніе и жизнь... Вотъ кое-кто уже сбросилъ съ себя верхнюю одежду, чтобы легче было бѣгать, иные разошлись до того, что скидаютъ и обувь... А старики, пріютившись гдѣ-нибудь тутъ же, на пригоркѣ, любуются на молодежь и тщетно вздыхаютъ о безвозвратно промелькнувшихъ прошлыхъ дняхъ...

Съ наступленіемъ вечера игры переносятся съ воли по домамъ и до полуночи не прекращается шумное веселье собравшагося народа.

Вотъ прошелъ и Великій постъ, который такъ строго соблюдается здѣсь по селамъ.

Прошло и Вербное воскресенье, называемое, кстати сказать, въ Черногоріи не Вербнымъ, а *цвытнымъ*: тамъ въ церкви освящаются цвѣты, а не верба. Для этого наканунѣ торжества школьники цѣлыми толпами идутъ въ горы, и, набравъ пышные букеты цвѣтовъ, приносятъ ихъ въ церковь. Наступила и Пасха. Но этотъ праздникъ, какъ мы уже знаемъ, на много уступаетъ здѣсь Рождеству. Въ Свѣтлое Христово воскресенье, или *велик-дан* [1]), какъ его называютъ черногорцы, особенной торжественности не замѣчается; лишь насчетъ розговѣнья соблюдается строгое правило: тутъ, въ противоположность Рождеству, разговляться можно лишь послѣ обѣдни.

Но если церковь далеко и семья остается дома—всѣ поднимаются еще, обыкновенно, до разсвѣта и разсаживаются вокругъ огнища. Тутъ хозяинъ беретъ сохраненную еще съ цвѣтного воскресенья просфору, разламываетъ ее и кладетъ каждому въ ротъ по кусочку. Послѣ этого онъ раздаетъ по яйцу, но ѣсть его до солнечнаго восхода считается страшнымъ грѣхомъ.

И въ Черногоріи принято также красить яйца—по большей части въ красную краску, а если въ домѣ трауръ [2]), то и въ черную.

---

[1]) Великій день.

[2]) Печаль по умершемъ.

Однако въ селахъ нерѣдко обходятся прямо и однимп некрашенными. Да случается еще тамъ, что, за отсутствіемъ или неимѣніемъ священника, и службы-то никакой не совершается: только ударятъ въ колоколъ, а церковь остается попрежнему запертою. Иные не считаютъ и за грѣхъ на другой день Пасхи приниматься за будничную работу.

Вознесенье, или *Спасов-дан*, также не представляетъ особеннаго торжества у черногорцевъ, какъ и *Духови*, т.-е. Троицынъ день. Принято только въ эти дни дѣлать нѣкоторыя хозяйственныя наблюденія—относительно скота, предстоящаго урожая, погоды и т. д.

Но зато есть у черногорцевъ (какъ и у сербовъ вообще) одинъ торжественный праздникъ, котораго совершенно не существуетъ у другихъ славянъ. Это—праздникъ *крестнаго имени* (посербски *крсно име* или *слава*). Черногорцы и сербы не знаютъ именинъ, а вся семья, даже родъ, а иногда и цѣлое племя въ нѣсколько тысячъ человѣкъ—выбираютъ себѣ въ покровители какого-либо общаго святого и празднуютъ его, или, по-мѣстному, *славятъ*. Такъ, напримѣръ, есть три черногорскихъ племени—озриничей, пиперъ и васоевичей,—которыя славятъ день архангела Михаила, почему и считаются родственниками между собою. И вотъ стоитъ только гдѣ-нибудь встрѣтиться двумъ прдста-

вителямъ этихъ совершенно различныхъ племенъ—будь они раньше хотя совершенно незнакомы другъ-другу,—какъ вы услышите взаимное привѣтствіе: «О, мой родо!» [1]) И такіе новые знакомцы уже не оставятъ въ бѣдѣ другъ-друга и всегда готовы помочь, какъ если бы они на самомъ дѣлѣ были родными.

Ученые полагаютъ, что праздникъ крестнаго имени ведетъ свое начало еще съ тѣхъ давнихъ временъ, когда сербы впервые стали переходить цѣлыми семьями изъ язычества въ христіанство. При этомъ они избирали своимъ покровителемъ того святого, имя котораго принималъ старшій изъ новообращенныхъ, или который просто праздновался въ день ихъ крещенія. На слѣдующій годъ они уже торжественно праздновали этотъ важный въ ихъ жизни день, дальше—тоже, и такимъ образомъ обычай этотъ дошелъ и до нашихъ временъ. Что мнѣніе это справедливо, видно и изъ самаго названія этого праздника: *крсно име*—т.-е. имя, данное при крещеніи.

Трудно представить себѣ всю важность и торжественность этого праздника для каждаго черногорца или серба. Гостепріимные по природѣ, они въ этотъ день готовы отдать послѣднее достояніе, лишь бы только достойнымъ образомъ почтить гостя, безъ котораго и празд-

---

[1]) „О, мой родичъ!“

никъ не въ праздникъ. И вотъ, едва показался онъ на порогѣ, какъ хозяинъ спѣшитъ навстрѣчу и торжественно произноситъ:

— Домъ Божій и вашъ!

Гостей угощаютъ на славу, при чемъ хозяинъ все время не садится, самъ прислуживая имъ съ непокрытою головой [1]). И обычай этотъ соблюдается рѣшительно всѣми,—какое бы почетное положеніе ни занималъ хозяинъ и будь гость его хотя послѣдній бѣднякъ, даже турокъ. День этотъ принято еще ознаменовывать въ Черногоріи какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ или просто милостыней.

Святость этого праздника такъ велика, что, по закону, въ домѣ требуется даже присутствіе священника: онъ долженъ благословить трапезу и провозгласить здравицу какъ во славу Божію, такъ и празднуемаго святого. Но такъ какъ для простого смертнаго это не всегда доступно, въ особенности тамъ, гдѣ одинъ и тотъ же святой славится цѣлымъ племенемъ,— то хозяинъ, или кто-либо изъ младшихъ членовъ семьи, несетъ въ церковь на литургію свѣчи, просфору и вино; за одно уже поминаютъ и усопшихъ. Если церковь далеко, то нѣсколько семей отряжаютъ для этой цѣли

---

[1]) Въ обыкновенное время черногорцы дома не снимаютъ шапокъ.

одно лицо. А случается и такъ: кто-либо изъ домашнихъ выйдетъ спозаранку на перекрестокъ, выждетъ перваго встрѣчнаго, направляющагося въ церковь, и передастъ ему всѣ необходимые для освященія предметы. И всякій съ радостью исполняетъ такое порученіе, такъ какъ оно считается за большую честь въ Черногоріи.

Чѣмъ образованнѣе и развитѣе народъ, тѣмъ меньше онъ зараженъ суевѣріемъ и предразсудками. Свѣтъ знанія разсѣиваетъ мракъ заблуждающагося человѣческаго ума, указывая ему путь къ истинѣ. Черногорцы, какъ мы уже упоминали выше, еще совсѣмъ недавно вступили на путь просвѣщенія, а потому и предразсудковъ у нихъ множество. Нѣкоторые изъ нихъ тѣсно связаны съ празднованіемъ Рождества. Такъ, напримѣръ, огарокъ свѣчки, съ которымъ кто-либо изъ семьи былъ въ этотъ день въ церкви, считается цѣлебнымъ средствомъ отъ всякихъ опухолей. Сопровождается это «лѣченіе» различными заклинаніями и наговорами, и продѣлываетъ все это, обыкновенно, знахарка. Такой огарокъ бережно хранится въ домѣ отъ одного Рождества до другого.

Вотъ сгораетъ понемногу главный баднякъ и отъ него начинаютъ сыпаться угольки. Суевѣрный хозяинъ тщательно собираетъ ихъ и распредѣляетъ каждый отдѣльно: одинъ за

здоровье семьи, другой за будущій урожай — при чемъ за каждый родъ хлѣба берется особый уголекъ,—третій за скотину и т. д. Затѣмъ, отложивъ ихъ въ сторону, начинаетъ внимательно наблюдать за пепломъ, которымъ покрываются угольки: на какомъ больше пепла, тотъ сулитъ и больше счастія... А остаткамъ перегорѣвшаго бадняка приписывается большая сила: ихъ кладутъ въ ясли скоту, въ огородъ, на поле. Въ послѣднемъ случаѣ зорко слѣдятъ, чтобы кто-нибудь не наступилъ на головешку ногой и не перевернулъ ее, а то перевернется и счастіе въ домѣ...

Въ первый день Рождества многіе любители прыгаютъ три раза черезъ горящій баднякъ, произнося при этомъ извѣстное заклинаніе, и тогда можно цѣлый годъ не бояться лихорадки...

Въ ночь подъ Крещеніе трижды разверзается небо и въ это время вода въ рѣкахъ и озерахъ превращается въ вино. Стоитъ только выслѣдить эти краткія мгновенія, и каждый можетъ набрать вина на цѣлый годъ. А если при этомъ успѣть высказать и еще какое-нибудь пожеланіе, то и оно непремѣнно исполнится. Находятся легковѣрные люди, которые цѣлую ночь проводятъ въ ожиданіи чуда; но чудо не приходитъ, и невѣжественный черногорецъ въ простотѣ душевной винитъ себя: либо задремалъ, думаетъ онъ, въ самое нужное

время, либо прозѣвалъ и желанія-то своего высказать не сумѣлъ толкомъ...

Вѣритъ онъ, что каждую мѣстность—лѣса, горы, озера—оберегаетъ какой-нибудь духъ. Въ Черногоріи множество пещеръ, и вотъ народный вымыселъ создалъ новаго духа — страшнаго *дива*. Этотъ злой духъ принимаетъ образъ человѣка, но обладаетъ сверхъестественной силой, и стоитъ только въ непогоду укрыться кому-нибудь въ пещеру, какъ его тотчасъ же схватываетъ дивъ.

Мы долго еще не кончили бы, если бы вздумали приводить здѣсь всѣ предразсудки, все безграничное суевѣріе и донынѣ еще темнаго, малообразованнаго черногорца.

Глава IV.

Жилище, одежда и пища.

Домъ свой черногорецъ строитъ чаще всего изъ камня и только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изъ дерева. Каменные дома строятся двояко: или прямо на землѣ, безъ всякаго фундамента, почему по-мѣстному и называются *поземуши*, или же выводятся въ два этажа — какъ говорятъ черногорцы *на под*; тутъ люди живутъ лишь въ верхнемъ этажѣ, внизу же помѣщается скотъ, или просто устраивается подвалъ.

Поземуши бываютъ всегда почти сухой кладки и раньше строились повсемѣстно — какъ бѣдными, такъ и богатыми. Нынѣ же это жилище бѣдняковъ или новоселовъ, и встрѣтить ихъ можно лишь въ отдаленныхъ, глухихъ мѣстахъ. Крыша на такомъ незатѣйливомъ зданіи двускатная, по большей части соломенная, хотя мѣстами она дѣлается изъ мелкихъ природныхъ плитокъ известковаго шифера. Въ этомъ случаѣ поверхъ плитокъ наваливаютъ и камней, чтобъ ихъ не сносило вѣтромъ. Иногда въ поземушѣ дѣлается еще отдѣльная каморка за перегородкой; часто, несмотря на тѣсноту, тутъ же устраивается и помѣщеніе для козлятъ и ягнятъ — этого, порою единственнаго, богатства черногорца.

Если вы случайно попадете внутрь такого нехитраго жилища, то прежде всего вамъ бросится въ глаза самое священное для всей семьи мѣсто—*огнище*: это очагъ, на которомъ никогда не переводится огонь. Вы не увидите, быть-можетъ, пылающихъ дровъ, ни яркаго пламени, но не спѣшите еще заключать отсюда, что очагъ потухъ: покопайте въ золѣ, и вы во всякое время найдете горящіе уголья, которыми прекрасно можно развести огонь.

Устраивается огнище чаще всего посединѣ. Это четырехугольникъ, обложенный со всѣхъ сторонъ камнемъ или деревянными брусками; съ одного края, прямо въ полъ, вложенъ не-

высокій плоскій камень—сюда-то и кладутся дрова. Мѣстами вмѣсто этого камня служатъ просто одна или двѣ желѣзныхъ подставки, на которыхъ запекаютъ при надобности цѣлыя бараньи и свиныя туши. У нѣкоторыхъ племенъ огнище устраивается не въ серединѣ, а въ углу—для большаго простора въ жильѣ.

Прямо надъ огнищемъ вы увидите спускающуюся съ потолка цѣпь—*вериге*, къ которой подвѣшивается котелъ, или *казан*, для варки пищи. Цѣпь эта прикрѣпляется къ толстой балкѣ; она проходитъ посредине дома, какъ разъ надъ огнищемъ. Балка эта концами своими лежитъ на стѣнахъ, а снизу подпирается столбомъ, въ болѣе же просторныхъ домахъ и двумя-тремя. Настоящаго потолка въ такомъ жилищѣ не ищите: вмѣсто него все пространство наверху покрыто большою плетенкой изъ тонкихъ прутьевъ. Этотъ своеобразный потолокъ лежитъ на поперечныхъ грядкахъ, а послѣднія покоятся на стѣнахъ, какъ и толстая средняя балка, съ которой спускается цѣпь. На этой же балкѣ виднѣется еще рѣшетчатый помостъ, куда подвѣшиваютъ для копченья или сушки бараньи туши, колбасы и окорока; поодаль отъ огня висятъ пласты свиного сала, мѣха съ масломъ и другіе хозяйственные запасы. Поближе къ стѣнѣ, въ эту же балку вбиты большіе деревянные гвозди или *клинци*; лишь только въ домѣ появляется

гость, съ него снимаютъ оружіе и верхнюю одежду и вѣшаютъ сюда.

Полъ въ такомъ домѣ по большей части каменный и появляется, такъ-сказать, самъ по себѣ — естественнымъ образомъ: вѣдь домъ чаще всего и строится-то прямо на сплошномъ каменистомъ мѣстѣ, гдѣ камень только выравнивается. Иногда, впрочемъ, можно встрѣтить и земляной полъ; у иныхъ онъ вымощенъ—какъ попало, безъ всякаго разбора,— неровными плитами изъ мѣстнаго камня. Двери чаще всего смотрятъ на югъ, но вообще принято за правило избѣгать надвѣтренной стороны, въ особенности сѣверной. Косяки въ нихъ дѣлаются изъ цѣльнаго камня, а иногда просто берутъ большіе камни, пригоняютъ къ стѣнѣ, крѣпко вяжутъ съ нею—и косякъ готовъ. Самая дверь сколочена замѣчательно прочно изъ толстыхъ досокъ и запирается крѣпкимъ засовомъ.

Что касается оконъ, то ихъ, строго говоря, и нѣтъ въ поземушѣ; въ стѣнѣ, противоположной дверямъ, прорѣзано лишь небольшое четырехугольное отверстіе, которое, по мѣрѣ надобности, заслоняется доской. Порою такое оконце продѣлано сбоку двери, но во всякомъ случаѣ оно служитъ не для освѣщенія жилья— для этого оно слишкомъ мало,—а для того, чтобы смотрѣть изъ него, что́ дѣлается на Божьемъ свѣтѣ. Свѣтъ же проникаетъ сюда,

главнымъ образомъ, черезъ двери, а чистый воздухъ проходитъ какъ черезъ крышу, такъ и сквозь стѣны: послѣднія вѣдь выводятся здѣсь изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ сухой кладки, а при такомъ устройствѣ всегда остаются щели.

Если мы вспомнимъ бурное прошлое черногорцевъ, то мы не удивимся, что еще въ сравнительно недавнее время поземуша была излюбленнымъ жилищемъ этого воинственнаго народа. Вѣдь такой домъ безъ оконъ, съ крѣпкой дверью, являлся какъ бы маленькимъ укрѣпленьицемъ: онъ могъ выдерживать осаду и отражать натискъ порою довольно численнаго непріятеля, но лишь до тѣхъ поръ, пока цѣла была крыша. Вотъ почему ее-то и старались зажечь прежде всего, когда такія жилища брались приступомъ.

Есть и снаружи дома священное въ глазахъ всякаго черногорца мѣсто, какъ и огнище внутри. Это—конекъ крыши, который какъ бы олицетворяетъ собою *душу*, жизнь всего дома. При взаимной враждѣ, когда народъ ополчается на какую-нибудь семью—прежде всего перерубается конекъ этого дома. И тогда обитатели его видятъ, что жизнь ихъ кончена здѣсь, что нѣтъ имъ больше мѣста въ родномъ гнѣздѣ—надо оставлять его и искать убѣжища въ чужомъ краю... Когда черногорецъ хочетъ разсказать объ изгнаніи какой-либо семьи, то онъ кратко заявляетъ: «Имъ перерубили ко-

некъ». И всѣмъ сразу понятенъ весь ужасъ той кары, которая постигла виновныхъ... Не дай Богъ даже во снѣ видѣть конекъ своего дома перерубленнымъ или хотя бы просто сломаннымъ: суевѣрный хозяинъ со страхомъ ждетъ смерти или другого непоправимаго несчастія...

Просто и незатѣйливо убранство черногорскаго дома. Каменныя скамьи противъ огнища, маленькія деревянныя скамеечки на трехъ ножкахъ да деревянное самодѣльное кресло для главы семьи — вотъ первое, что́ бросается въ глаза. Въ то время, какъ мы въ Россіи не представляемъ себѣ избы безъ просторнаго стола, въ черногорскомъ домѣ прекрасно обходятся и безъ него: то и дѣло прямо на полу подстилается какой-нибудь мѣшокъ или струка, и тутъ и ѣдятъ, скрестивши подъ себя ноги. Хотя столъ все-таки найдется во всякомъ домѣ—маленькій, круглый, на низенькихъ ножкахъ,—но за ненадобностью онъ частенько-таки виситъ на стѣнѣ, гдѣ ему полагается особое мѣсто. Но самое дорогое и излюбленное мѣсто въ домѣ—это *огнище*. Только тогда и одухотворяется домъ, когда горитъ большой огонь, иначе мрачно и скучно въ немъ, ничего не разглядѣть сразу вошедшему съ воли. Вокругъ огнища, на войлокѣ или просто на мѣшкахъ, спитъ вповалку вся семья. Но тогда огонь уже не пылаетъ, остается лишь жаръ,

присыпанный золой, чтобы тепло держалось до утра. Любитъ черногорецъ сидѣть около огня, шевелить и подкладывать дрова, задумчиво пыхтя трубкой; любитъ тутъ коротать время съ завернувшимъ гостемъ, вспоминая подъ звонъ гуслей былые подвиги юнаковъ, ихъ молодецкіе набѣги на ненавистнаго врага...

Намъ остается еще сказать о болѣе современномъ, двухъэтажномъ жилищѣ, или домѣ *на под*. Онъ отличается отъ поземуши бо́льшимъ просторомъ и тѣмъ, что подъ жильемъ имѣется помѣщеніе для скота. Это послѣднее раздѣляется перегородкими на нѣсколько отдѣленій — для лошадей, ко́ровъ, козъ и свиней. Порою спереди такой домъ кажется одноэтажнымъ, и лишь зайдя сзади обнаруживается, что онъ въ два этажа: нижній образуется тутъ природнымъ положеніемъ мѣстности. Въ такомъ жилищѣ дверь, обыкновенно, дѣлается прямо сбоку или сзади; но тамъ, гдѣ весь домъ поднятъ на этажъ, не обойтись, конечно, безъ лѣстницы или высокаго крыльца.

Передъ входомъ въ дверь, повыше крыльца устраивается иногда крытая площадка; тутъ лѣтомъ любятъ сидѣть за работой женщины, а мужчины коротаютъ свои досуги за излюбленною трубкой. Полъ въ такихъ двухъэтажныхъ домахъ дѣлается изъ толстыхъ широкихъ досокъ, положенныхъ на балки; доски не пригоняются особенно плотно, такъ что сквозь

щели не только свободно проходитъ воздухъ, но даже видно, что̀ дѣлается, изъ одного этажа въ другой. Что касается балокъ, то онѣ либо поддерживаются деревянными столбами,—тамъ, гдѣ огнище устроено сбоку,—либо каменными, когда оно посединѣ.

Въ такомъ домѣ для огнища приходится уже прорѣзывать полъ, при чемъ пространство это или выстилается деревянными плитами, или же просто набивается щебнемъ съ землею; а вокругъ такъ же, какъ и въ поземушѣ, обкладывается камнемъ. Кладка стѣнъ въ двухъэтажномъ домѣ другая; тутъ уже нельзя пускать въ дѣло цѣльныя каменныя глыбы, а приходится брать камни опредѣленной величины, обтесывать ихъ, пригонять какъ можно плотнѣе другъ къ другу и класть съ цементомъ; послѣдній дѣлается изъ глины, извести и мелкаго щебня. Все остальное — потолокъ, крыша — остается такъ же, какъ въ поземушѣ. Въ мѣстностяхъ, богатыхъ виноградниками, при домахъ устраиваются подвалы для приготовленія вина и ракіи. Зачастую такіе дома лѣпятся возлѣ скалъ и сѣрымъ цвѣтомъ своимъ настолько сливаются съ ними, что непривычному наблюдателю трудно отличить,—гдѣ кончается природа и начинается твореніе рукъ человѣческихъ. Конечно, мѣстами можно встрѣтить и хорошіе, просторные дома съ галлереями, крытые черепицей, но это уже у богатыхъ племенъ. Однако, и до

сихъ поръ еще дымовая труба на крышѣ, напримѣръ, большая рѣдкость не только въ селахъ, но и во многихъ городахъ.

Но какой бы ни былъ домъ, въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ дома скучены, онъ всегда огораживается небольшою каменною стѣной—

Гумно.

сухой кладки или съ известью. А тамъ, гдѣ простора больше, вмѣсто такого забора просто выравнивается съ лицевой стороны площадка и обсаживается деревьями; тутъ же размѣщаются и разныя хозяйственныя постройки. Интересно устраивается гумно, которое въ каменистой части Черногоріи имѣется

почти на всякомъ дворѣ. Для этого выбираютъ нѣсколько возвышенное мѣсто, вымащиваютъ большими обтесанными каменными плитами и обносятъ вокругъ такою же невысокою стѣнкой, такъ что сверху гумно кажется какъ бы огромнымъ круглымъ блюдомъ. Посрединѣ сдѣлано отверстіе для столба, вокругъ котораго гонятъ лошадь во время молотьбы. Тутъ же можно видѣть и маленькое крытое помѣщеніе для обмолоченной соломы и мякины. Гумно для черногорца не только мѣсто тяжкихъ трудовъ и заботъ: тутъ же устраиваются народныя собранія, въ праздники идетъ веселье—пляска и хороводъ смѣняютъ другъ друга.

Чтобы покончить съ жилищемъ черногорца, скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ впечатлѣніи, которое производитъ оно на непривычнаго наблюдателя. Невесело въ немъ, читатель; даже при пылающемъ огнищѣ освѣщено лишь ближайшее къ нему пространство, а тамъ дальше расползаются по угламъ таинственныя черныя тѣни... Стѣны закоптѣли; балки, замѣняющія потолокъ, самая крыша—точно выкрашены черною краской, а иныя бревна, поближе къ огнищу, блестятъ такъ, будто они отполированы изъ какого-то необыкновеннаго чернаго дерева... Сквозь крышу и стѣны свободно врывается вольный вѣтеръ; правда, духоты и испорченнаго воздуха уже не встрѣтишь въ такомъ домѣ, но зато въ

ненастье здѣсь уныло течетъ со стѣнъ, точно и онѣ вдругъ не выдержали и горько заплакали надъ невеселою долей бѣднаго черногорца... А въ морозы немногимъ лучше: бѣлый иней пробивается сквозь щели, непривѣтно, холодно, а главное—дымъ и дымъ безъ конца... Черногорецъ боится холода; онъ затворяетъ двери, не смущаясь тѣмъ, что жилище его отапливается по-черному. И тамъ, гдѣ непривычный человѣкъ задохся бы отъ дыма, онъ ухитряется дышать, даже не поморщась. Но природа не знаетъ пощады и не даромъ обходится черногорцу такое топливо: глазныхъ болѣзней не оберешься въ Черногоріи, то и дѣло вы видите покраснѣвшіе бѣлки глазъ, отекшія, опухшія вѣки.

Въ прежнее время, когда главнымъ, почти единственнымъ занятіемъ черногорца была война, вся одежда его — начиная съ рубахи и кончая обувью — выходила изъ рукъ женщины. Если мы вспомнимъ еще, что до послѣдняго времени это воинственное племя считало для себя позоромъ занятіе ремеслами, что не находилось человѣка, который согласился бы взять въ руки ремесленный инструментъ,—то поймемъ всю тяжесть труда, выпавшаго на долю черногорской женщины. Конечно, и раньше не обходились однѣми

домотканными матеріями,—извѣстны были черногорцамъ и тонкія сукна, дорогія шелковыя ткани, различныя драгоцѣнныя украшенія, но все это привозилось изъ-за границы, по большей части изъ Турціи. И доступны они были лишь немногимъ—носили ихъ, главнымъ образомъ, народные главари или, вообще, богатые люди, и то только въ особо торжественныхъ случаяхъ; въ обыкновенное же время и они носили то, что изготовляли имъ жены. Но теперь времена перемѣнились и рѣдкій черногорецъ не щегольнетъ при случаѣ красивымъ нарядомъ изъ тонкаго заграничнаго сукна.

Одежда черногорца состоитъ изъ бѣлой рубахи (очень рѣдко пестрой) съ воротничкомъ и прямымъ разрѣзомъ посреди груди. Поднявшись съ постели, онъ прежде всего берется за свои любимыя *доколѣнницы*: это искусно выкроенный кусокъ сукна, плотно облегающій всю голень — отъ щиколотка до сгиба колѣна; по краямъ пришиты крючки и петельки, которыми доколѣнница застегивается такъ плотно, что совсѣмъ гладко обхватываетъ ногу. Чтобы застегнуть ее аккуратно, требуется порядочно-таки времени,—вотъ почему иной, заторопившись, и застегиваетъ ее наскоро, какъ Богъ на душу положитъ. Доколѣнницы имѣютъ огромное значеніе для черногорца, которому вѣчно приходится подниматься и спускаться по скалистымъ тро-

пинкамъ. Стянутая такимъ образомъ нога ступаетъ тверже, увѣреннѣе по всюду торчащимъ камнямъ, и весь человѣкъ въ нихъ какъ-то легче на ходу. Послѣ доколѣнницъ надѣваются штаны, которые должны нѣсколько захватить ихъ верхній край и для большаго удобства связываются здѣсь тесьмой или застегиваются особыми вышитыми подвязками. Сверху штаны эти довольно широкіе и спускаются только немного ниже колѣнъ—чтобы захватить лишь верхній край доколѣнницъ; чрезъ обшивку пояса продѣвается толстый шнурокъ или тесьма и такимъ образомъ они завязываются на поясѣ. Далѣе идетъ жилетъ изъ краснаго сукна, расшитый черными шнурками или золотомъ. Поверхъ жилета надѣвается *гунь*—бѣлый суконный кафтанъ, длиною до колѣнъ; края его обшиты голубыми шнурками. Отъ ворота до пояса идутъ съ одной стороны плетеныя изъ шелка или шерсти пуговицы, а съ другой — крючки или петли для застегиванія.

Теперь черногорецъ берется еще за одну важную часть наряда — поясъ. Обыкновенно онъ домотканный — шерстяной, краснаго или малиноваго цвѣта, съ продольными полосами— желтыми, черными, синими и пр. Ширина его не особенно значительна—около $3^1/_2$ вершковъ, зато длина доходитъ нерѣдко до 6 аршинъ, такъ что имъ можно прекрасно обмотаться, при чемъ тутъ же имъ опоясывается и *силавъ*.

Это—мягкая кожаная сумочка, которая держится на ремнѣ съ пряжкой, охватывающемъ тѣло вокругъ пояса. Силавъ вмѣщаетъ въ себѣ цѣлый рядъ предметовъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись черногорецъ: онъ засовываетъ туда одинъ или пару пистолетовъ, ятаганъ, которымъ онъ такъ привыкъ отражать врага, ножъ для различныхъ надобностей; вы найдете въ немъ и металлическую палочку, которою въ одно и то же время заряжается пистолетъ и чистится трубка—этотъ неизмѣнный спутникъ черногорца,—кошелекъ, платокъ, а въ дорогѣ и полотенце.

Лица высшаго званія надѣваютъ еще поверхъ бѣлаго гуня (кафтана) куртку безъ рукавовъ, расшитую по краямъ шелками и золотомъ. Иногда она украшена серебряными бляхами, пуговицами и застежками со всевозможными украшеніями. Куртка эта называется *то́ке* и является остаткомъ древнихъ латъ сербскихъ воеводъ.

Теперь слѣдуетъ обувь, которая у черногорца совсѣмъ особая. Прежде всего идутъ шерстяные носки съ разрѣзомъ на внутренней сторонѣ; края оторочены краснымъ или синимъ сукномъ, а на разрѣзѣ имѣются 3 или 4 крючка и петли, которые при застегиваніи обнимаютъ и нижній край доколѣнницъ. Чтобы ногѣ было покойнѣе, на пальцы надѣвается еще короткій носокъ—едва достигающій и по-

ловины стопы — съ расшитыми краями. И поверхъ всего этого — своеобразная черногорская обувь—*опанки*, нѣчто въ родѣ кожаныхъ лаптей. Изготовляется эта обувь изъ толстой воловьей кожи, съ низкими краями и острымъ носкомъ, спереди заплетается *опутой*, т.-е. тонкими ремешками изъ невыдѣланной овечьей кожи; для мягкости внутри кладется еще суконная стелька. Опанки представляютъ замѣчательно удобную и легкую обувь, не натираютъ ногъ и при случаѣ легко исправляются, для чего въ дорогу всегда берутъ съ собой запасъ опуты. Но зато въ сырую погоду опанокъ очень быстро раскисаетъ и нога начинаетъ въ немъ скользить; вотъ почему простой черногорецъ всегда предпочтетъ въ такихъ случаяхъ снять опанки и спрятать ихъ за пазуху, а самъ пойдетъ босой. Войдя въ комнату, и мужчины и женщины, обыкновенно, снимаютъ обувь и остаются въ чулкахъ.

Головной уборъ черногорца—низенькая шапочка или *капица*; дно ея сдѣлано изъ краснаго сукна, наполовину вышитаго золотомъ, а края изъ черной шелковой матеріи [1]). Удобство

[1]) Многіе иностранные путешественники увѣряютъ, что черногорская капица будто бы ведетъ свое начало отъ Коссовской битвы, и придаютъ ей такое толкованіе: красный цвѣтъ дна—это пролитая тутъ кровь сербская; черный околышъ — трауръ (печаль) по погибшей сербской независимости, а золотыя полукружія на днѣ — надежда на возстановленіе прежняго могущества и славы.

капицы состоитъ лишь въ томъ, что она чрезвычайно легка, но зато сидитъ на головѣ довольно непрочно: во время сильнаго вѣтра ее сноситъ, почему приходится повязывать платкомъ. А въ зимнее время черногорецъ зачастую сниметъ съ себя свой длинный шерстяной поясъ и, захвативъ заодно шею и подбородокъ, обматываетъ имъ голову въ родѣ турецкой чалмы [1]).

Въ холодъ и непогоду черногорецъ, выходя изъ дому, надѣваетъ поверхъ всего *струку*. Это нѣчто въ родѣ короткаго плаща, шириною около аршина и до трехъ въ длину. По большей части струка ткется дома изъ лучшей шерсти, которая для большей прочности прядется круче обыкновенной: вѣдь прочность да мягкость—первыя достоинства этого одѣянія. Цвѣтъ мужской струки—черный, по краямъ на круглыхъ шнуркахъ висятъ кисти. Черногорецъ такъ привыкъ къ этой верхней одеждѣ, что безъ нея и шагу не сдѣлаетъ изъ дому. И какое только употребленіе онъ не дѣлаетъ изъ своей излюбленной струки! Ею онъ защищается отъ холода и непогоды, постилаетъ ее, когда нужно присѣсть и отдохнуть въ дорогѣ, тутъ же и закусываетъ на ней, покрывается ночью вмѣсто одѣяла. Не даромъ у черногорцевъ

[1]) Головной уборъ мужчинъ у восточныхъ народовъ. Онъ состоитъ изъ куска ткани, чаще всего бѣлой, которая навивается на голову и ложится красивыми пышными складками.

сложилась пословица: «Носи струку лѣтомъ, а зимою—какъ хочешь»; другими словами — зимою самъ холодъ напомнитъ о ней, а вотъ лѣтомъ какъ бы невзначай не застало безъ нея ненастье.

Посмотримъ теперь, какъ одѣвается черногорская женщина. И женскій нарядъ не уступитъ, пожалуй, по красотѣ мужскому, но здѣсь вся сила въ рубашкѣ. Въ вышивкѣ черногорка большая мастерица и объ этомъ искусствѣ ея судятъ прежде всего по рубашкѣ; вотъ почему она старается какъ можно роскошнѣе расшить ее шелкомъ, золотомъ, а въ крайнемъ случаѣ—хоть цвѣтной бумагой. И сколько бы рубахъ ни имѣла иная щеголиха, она старается чтобы узоры были какъ можно разнообразнѣе. Расшивается, обыкновенно, воротъ, разрѣзъ на груди и края рукавовъ. Въ домашнемъ быту черногорка очень часто прямо опоясывается поверхъ рубахи, надѣваетъ передникъ изъ чернаго или бѣлаго сукна, обшитый снизу бахромой, обуется—и нарядъ готовъ. А выходя изъ дому, надѣваетъ юбку—изъ покупной, а чаще изъ домотканной бѣлой или черной шерстяной матеріи—и поверхъ рубашки гунь (кафтанъ), только покороче мужского.

Любопытно, что черногорской женщинѣ приходилось упорно отвоевывать себѣ право носить юбку. Въ былое время, выходя на улицу, она совершенно обходилась безъ нея: она или

просто обматывалась ниже пояса кускомъ шерстяной матеріи, или надѣвала тотъ же передникъ, о которомъ мы только-что упоминали. Но вотъ нѣкоторыя щеголихи побывали въ пограничныхъ съ Черногоріей мѣстностяхъ, увидали у тамошнихъ женщинъ юбки и заразились отъ нихъ соблазнительнымъ новшествомъ. Народъ счелъ это измѣной своимъ вѣковымъ обычаямъ, и юбка стала подвергаться самымъ дикимъ и ожесточеннымъ преслѣдованіямъ. Поднялся настоящій юбочный бунтъ. Мало того, что упорной вольнодумкѣ приходилось воевать въ своей собственной семьѣ, но нерѣдко ополчалось на нее еще все село—когда мужъ, по слабости своей, примирялся съ ея прихотью. И вотъ, отуманенные злобой, невѣжественные люди собирались на совѣтъ, избирали изъ своей среды выборныхъ, которые и отправлялись въ намѣченные дома. Эти темные избранники требовали выдачи запретнаго одѣянія, устраивали строжайшіе обыски, и, набравъ цѣлый ворохъ злополучныхъ юбокъ, торжественно и всенародно сжигали ихъ на площади. Это было въ правленіе владыки Петра II, т.-е. сравнительно еще не такъ давно, и лишь преемникъ его, князь Даніилъ, приказалъ прекратить это дикое преслѣдованіе. Но и посейчасъ еще въ глухихъ и отдаленныхъ селахъ черногорки зачастую обходятся безъ этой

необходимой у большинства народовъ части женскаго одѣянія.

Поверхъ юбки черногорка надѣваетъ, обыкновенно, передникъ и затѣмъ поясъ. Смотря по достатку, поясъ бываетъ или домотканный шерстяной, или кожаный, —украшенный серебряными бляхами, искусственными или настоящими камнями. Обувается женщина въ бѣлые или красные шерстяные чулки и уже знакомые намъ опанки.

Этотъ нарядъ одинаковъ, какъ у замужнихъ женщинъ, такъ и у дѣвицъ; разница лишь въ головномъ уборѣ. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу, которую обвиваютъ у затылка, и надѣваютъ почти такую же капицу, какъ и мужчины, только дно больше расшито золотомъ. Поверхъ капицы красиво пришпиливается бѣлый платокъ; маленькія же дѣвочки обходятся безъ него, пока не начнутъ заплетать волосы. По народному обычаю, дѣвичьи волосы должны быть тщательно скрыты отъ постороннихъ взоровъ; вотъ почему юная черногорка, собираясь расчесывать волосы, готова спрятаться Богъ знаетъ куда, лишь бы только ее никто не могъ увидать. А если ужъ совсѣмъ некуда дѣваться, то она залѣзаетъ подъ одѣяло и тамъ заплетаетъ свою косу... Нечего говорить, насколько это неудобно и мучительно, такъ что злополучная дѣвица предпочитаетъ лучше встать

спозаранку и причесаться, пока всѣ еще спятъ.

По странному обычаю, нѣтъ бо́льшаго позора для черногорской дѣвушки, какъ показаться кому-нибудь *гологлавой*, т.-е. простоволосой; вотъ почему капица — это нѣчто священное и неприкосновенное въ ея глазахъ. И если найдется дерзкій, осмѣлившійся ее снять, то законъ разрѣшаетъ ей обороняться какъ угодно: она можетъ пырнуть въ него ножомъ, можетъ выколоть глазъ, нанести какое угодно тяжкое увѣчье—и судить будутъ не ее, а виновника ея мести.

Когда юная черногорка выходитъ замужъ, она навѣки разстается съ своей капицей. Да и волосы она заплетаетъ теперь уже въ двѣ косы, обертываетъ ихъ вокругъ головы, завязывая на затылкѣ. Но прежде, однако, отъ каждой косы отдѣляется по пряди, которая идетъ къ затылку, захватывая и прижимая по пути уши до половины. И вотъ сверхъ этой хитрой прически живописно накидывается сложенный треугольникомъ черный платочекъ: одинъ уголъ свисаетъ съ затылка, а два другихъ конца приподнимаются кверху и большой булавкой прикалываются прямо къ косамъ.

Надо замѣтить, что головной уборъ этотъ принятъ лишь въ самомъ сердцѣ Черногоріи—въ Катунской нахіи. Въ остальныхъ мѣстахъ замужнія женщины прямо распускаютъ обѣ косы,

связывая ихъ порою во время работы, чтобы не мѣшали; въ косы вплетаются еще серебряныя монеты различной величины, которыя позваниваютъ при малѣйшемъ движеніи черногорки. Поверхъ волосъ надѣваютъ суконную красную шапочку, довольно высокую, и накрываютъ ее бѣлымъ, расшитымъ на краяхъ полотенцемъ, при чемъ края эти спускаются назадъ.

Верхнюю одежду черногорки также составляетъ черная струка. Отличается она отъ мужской только меньшими размѣрами да едва замѣтными для непривычнаго глаза темнозелеными или темносиними поперечными полосками. Есть разница и въ кистяхъ: на женской струкѣ онѣ висятъ не на круглыхъ, а на плоскихъ шнуркахъ — малиноваго или зеленаго цвѣта.

Само-собой разумѣется, что достатокъ семьи имѣетъ огромное значеніе въ дѣлѣ наряда женщины. Если въ бѣдной семьѣ вы увидите грубыя домотканныя матеріи, то у богатыхъ найдете и дорогія заграничныя ткани — бархатъ, шелкъ, сукно, замѣчательныя золотыя вышивки тонкой работы, различныя драгоцѣнныя украшенія. Исчезаютъ тутъ и грубые опанки, замѣняясь щегольскими ботинками на высокихъ каблукахъ. Словомъ, черногорка такъ же любитъ принарядиться, какъ и всякая другая женщина, и, при случаѣ, не поскупится, чтобы не ударить

лицомъ въ грязь и щегольнуть красивымъ нарядомъ.

Такъ какъ черногорецъ занимается не только земледѣліемъ, но еще въ большей мѣрѣ и скотоводствомъ, то, казалось бы, пища его должна быть самая питательная и разнообразная. Хлѣбъ, всевозможныя овощи, довольно обильные порою плоды, мясо, всевозможная молочная пища—вотъ произведенія народнаго хозяйства. Да мѣстами еще надо прибавить довольно значительную рыбную ловлю. Но, несмотря на это кажущееся богатство, главную пищу черногорца составляетъ хлѣбъ: только онъ одинъ остается дома, все же остальное—большая часть скота, живьемъ или въ сушеномъ видѣ, сыръ, масло, шерсть, кожи—все идетъ въ продажу, чтобы покрыть нужды семьи. Вотъ почему черногорецъ, приглашая кого-нибудь въ гости, скромно заявляетъ: «Милости просимъ къ намъ хлѣба откушать»...

Мы уже знаемъ, что больше всего черногорцы сѣютъ кукурузу. Это *жито*, какъ она называется здѣсь, и составляетъ главную пищу жителей. Безъ кукурузнаго хлѣба черногорецъ положительно не можетъ жить, далеко предпочитая его пшеничному. Въ заведеніяхъ, тамъ гдѣ много рабочихъ, хозяева и стараются именно кормить ихъ пшеничнымъ хлѣбомъ, находя это болѣе выгоднымъ: вѣдь они съѣдятъ его

гораздо меньше, чѣмъ излюбленнаго кукурузнаго. Трудно перечислить, сколько разнообразныхъ кушаній готовятъ черногорцы изъ своей кукурузы: они пекутъ хлѣбъ, варятъ похлебку, кашу, вмѣстѣ съ изюмомъ, свинымъ саломъ и другими приправами, начиняютъ ею колбасы и

Видъ шоссе въ Черногоріи.

т. д. Молодые початки, какъ мы уже знаемъ, пекутся на горячихъ угольяхъ; такой *печеняк*, какъ его называютъ черногорцы, считается большимъ лакомствомъ не только у дѣтей, но и у взрослыхъ; зерна зрѣлой кукурузы поджариваются въ маслѣ. Много еще другихъ кушаній готовится тамъ изъ кукурузной муки,

но мы назовемъ лишь самое главное изъ нихъ—излюбленный жителями *качамак*. Готовятъ его такимъ образомъ: кипятится въ котлѣ вода, туда начинаютъ сыпать понемногу кукурузной муки, все время тщательно помѣшивая большою ложкой, пока вся масса ровно загустится, какъ тѣсто; прибавляютъ въ котелъ и немного соли. Черезъ часъ кушанье готово; раздаютъ его комками—или въ чашкахъ, или же прямо на руки. Въ старину, когда Черногорію посѣщалъ голодъ, народъ кормили качамакомъ при нѣкоторыхъ монастыряхъ. Такая кормежка представляла любопытную картину: вдоль всего монастырскаго двора разстилалось свѣжее, еще ни разу не употреблявшееся сукно, и вокругъ разсаживались сотни народа. Появлялись огромные котлы съ дымящимся качамакомъ; самъ игуменъ съ нѣсколькими помощниками изъ народа обходилъ ѣдоковъ и передъ каждымъ прямо на сукно выкладывалъ большую ложку излюбленнаго кушанья.

Изъ мясной пищи на первомъ планѣ стоитъ овечье и козье мясо, такъ какъ мелкій рогатый скотъ, главнымъ образомъ, и разводится въ Черногоріи, а крупный служитъ лишь какъ рабочая сила. Говяжье мясо употребляется тамъ гораздо меньше, а еще рѣже—свинина: послѣдняя хотя и считается большимъ лакомствомъ, но не всегда имѣется и на базарѣ, такъ какъ свиней въ этой странѣ разводятъ въ неболь-

шомъ количествѣ. Но зато званый обѣдъ ужъ не обойдется у черногорца безъ ветчины съ капустой, такъ же какъ и ягнятины, до которой они очень большіе охотники.

Любопытно готовятъ въ прокъ баранье сало—*затоп*, какъ его называютъ черногорцы. Берутъ большой кусокъ сала и растапливаютъ въ котлѣ; когда онъ совсѣмъ растопится, его сливаютъ въ плоскую глиняную посуду. Потомъ берутъ веревку изъ лыка, завязываютъ ее посединѣ петлей и погружаютъ на дно жидкаго сала; и вотъ какъ только оно совершенно застынетъ, его за концы веревки и вынимаютъ въ видѣ круга. Приготовленное такимъ образомъ сало подвѣшивается подъ крышей, поодаль отъ огнища.

Черногорецъ жалѣетъ свой скотъ и для себя рѣдко заколетъ даже стараго барана или овцу, не говоря уже о ягненкѣ: развѣ только въ особо торжественныхъ случаяхъ—на Божичъ (Рождество), праздникъ «крестнаго имени», если онъ придется на скоромный день, или на свадьбу. Но стбитъ лишь явиться дорогому гостю, и хозяинъ не пожалѣетъ ягненка или козленка, чтобы только угостить его на славу. Конечно, богатые люди могутъ побаловать себя, когда вздумается, но простой черногорецъ самое большее колетъ для себя осенью нѣсколько штукъ, сушитъ мясо и потомъ пробавляется имъ чуть ли не цѣлый годъ.

Многіе занимаются сушкой мяса, какъ промысломъ, и даже вывозятъ его за границу. А если хозяйка уже сваритъ мясное кушанье, то жидкаго оставляется чуть-чуть и то сейчасъ же со стола убираютъ: такъ что ни нашихъ щей, ни горячихъ похлебокъ или ухи и не ищите въ Черногоріи.

Кромѣ капусты, картофеля и всевозможныхъ овощей, большимъ подспорьемъ служитъ еще рыба, которая мѣстами водится въ изобиліи; употребляютъ ее какъ въ свѣжемъ, такъ и въ сушеномъ видѣ. Молоко и различные молочные скопы также доставляютъ черногорцу козы и овцы; коровъ же держатъ для этого только въ городахъ.

Стóитъ сказать еще нѣсколько словъ объ употребленіи соли. Хотя въ Черногоріи недостатка въ ней нѣтъ (ее постоянно даютъ даже скоту), но солонка никогда не ставится за ѣдой на столъ, какъ у насъ, а остается попрежнему на полкѣ. И если вамъ, напримѣръ, понадобится за столомъ соли, то хозяйка не принесетъ солонки, а прямо захватитъ въ рукахъ щепотку и подастъ. Въ дорогѣ принято еще, за неимѣніемъ соли, употреблять ясеневую золу.

Изъ напитковъ самый главный—черный кофе (безъ молока), и пьетъ его каждый черногорецъ — отъ богача до послѣдняго бѣдняка, хотя бы ему приходилось обходиться при

этомъ и безъ сахару. Въ городахъ съ каждымъ годомъ все больше распространяется также и чай, а иные состоятельные люди выписываютъ даже себѣ изъ Россіи самовары.

Что касается вина, то его пьютъ лишь тамъ, гдѣ растетъ виноградъ, а слѣдовательно, жители занимаются винодѣліемъ. Но, вообще говоря, и тутъ нѣтъ такого избытка, чтобы каждый разъ за ѣдой ставить на столъ вино; а ужъ о другихъ мѣстахъ и говорить нечего, и употребляютъ его лишь въ самые большіе праздники да при особо торжественныхъ семейныхъ событіяхъ. Тутъ въ прежнее время вино было такою рѣдкостью, что даже причащались водкой. Теперь же, благодаря улучшенію путей сообщенія, его, конечно, и здѣсь достать легче, но употребляютъ его все-таки рѣдко, а вмѣсто него пьютъ *медовину*. Этотъ послѣдній напитокъ приготовляется изъ меда, иногда съ прибавленіемъ водки.

Водка или *ракія* въ Черногоріи гонится, главнымъ образомъ, изъ виноградныхъ выжимокъ, и высшіе сорта ея смѣло могутъ выдержать сравненіе съ нашей лучшей водкой. Въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ водку гонятъ изъ сливъ, которыя также даютъ хорошіе сорта. Есть и такіе края, гдѣ приготовляютъ ее изъ туговыхъ ягодъ (шелковицы); но эту водку приходится уже зачастую мѣшать съ виноградною, такъ какъ она отличается непріятнымъ

запахомъ. Пьютъ водку и изъ спирта, который привозится изъ Австріи, а мѣстные торговцы сами уже разбавляютъ его своими домашними средствами. Этотъ сортъ считается уже послѣднимъ, но благодаря своей крѣпости, а главное—дешевизнѣ, хорошо расходится среди бѣднаго населенія. Любопытно, что водку обыкновенно пьютъ въ Черногоріи не за ѣдой, а до ѣды и иногда много раньше — даже утромъ, ничѣмъ не закусывая. Только рѣдко гдѣ принято передъ тѣмъ съѣсть кусочекъ чего-нибудь соленаго, кислаго или остраго; черногорецъ называетъ это *осолити уста*. Иные, наоборотъ, пьютъ послѣ ѣды. Есть еще очень тонкій и вкусный напитокъ—*медовая ракія*; пьютъ ее утромъ, горячею, и въ особенности на свадьбахъ.

Чтобы покончить съ пищей черногорца, мы должны все-таки сказать, что питается онъ въ общемъ недурно, но его похвальная черта—воздержность какъ въ пищѣ, такъ и въ питьѣ. Пьянство считается у этого народа большимъ позоромъ, и въ селахъ вы совсѣмъ не встрѣтите пьяницъ. Да и въ городахъ ихъ мало, и если заведется гдѣ иной, то онъ пользуется всеобщимъ презрѣніемъ. За такого любителя не выйдетъ замужъ ни одна черногорская дѣвушка: она пренебрегаетъ мужчиной, который много пьетъ. Не даромъ, радуясь трезвому жениху, молодая черногорка поетъ въ пѣснѣ:

«Мать моя! Оставила я шутить,
Я себѣ выбрала жениха...
Не пьетъ онъ, не куритъ,
Развѣ немного вина,—но ни капельки водки».

И вотъ, если ужъ случится иному выпить не въ мѣру, то онъ старается скрыть свой грѣхъ и сидитъ дома, заботливо хоронясь отъ постороннихъ взоровъ.

Глава V.

Сватовство, свадьба и похороны.

Какъ и вездѣ на югѣ, въ Черногоріи дѣвушка выходитъ замужъ въ очень юномъ возрастѣ; въ 13—14 лѣтъ она считается уже невѣстой. Еще раньше того начинается сватовство, а въ прежнее время обручали дѣтей и въ колыбели. И обычай этотъ такъ свято соблюдался, что рѣдко находился черногорецъ или черногорка, которые взяли бы на себя смѣлость отказаться впослѣдствіи отъ брака, порѣшеннаго когда-то ихъ родителями. И если уже выискивался такой смѣльчакъ, или дѣвушка отказывала почему-либо жениху, то начиналась между двумя племенами кровная месть, стоившая жизни многимъ храбрецамъ съ обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Бывали случаи, и еще не такъ давно, что благодаря безконечнымъ войнамъ истребля-

лось въ какомъ-нибудь родѣ все взрослое мужское населеніе, и представителемъ его оставался одинъ единственный мальчуганъ, который и считался хозяиномъ. А между тѣмъ, черногорская пословица говоритъ: «Тяжело дому, въ которомъ нѣтъ женщины», а стало-быть, нужно женить мальчугана. Ему выбираютъ невѣсту, по большей части нѣсколько моложе его, но непремѣнно изъ храбраго племени, и вотъ малолѣтнюю пару вѣнчаютъ со всѣми обрядами, какъ взрослыхъ. Дѣвочку приносятъ въ домъ ея мужа, гдѣ она и воспитывается, покуда не вступитъ въ зрѣлый возрастъ... Такъ, между прочимъ, женился и нынѣ царствующій князь Николай Черногорскій, хотя онъ и не былъ сиротой; супруга его, княгиня Милена, жила и воспитывалась у отца князя, воеводы Мирко, пока самъ онъ заканчивалъ свое образованіе въ Парижѣ.

Хотя по большей части сыну—все равно малолѣтнему или взрослому—невѣсту выбираетъ отецъ, но случается порою, что и матери сговариваютъ своихъ будущихъ дѣтей. Дружатъ, напримѣръ, двѣ дѣвушки и даютъ другъ другу клятву, что первыя ихъ дѣти будутъ мужемъ и женой, при чемъ тутъ же, по обычаю, обмѣниваются подарками. Иногда способствуетъ этому и случай: спасла, наприм., одна женщина отъ смерти другую или кого-нибудь изъ ея родственниковъ-мужчинъ во

время междоусобной войны—вотъ и готовъ поводъ для ранняго брака между ихъ дѣтьми. Но по большей части дѣвушка стремится, конечно, выйти по любви, и вотъ какъ жалуется въ пѣснѣ на свою неудачную любовь юная черногорка:

«Гора темная, тѣнистая!
Счастливъ тотъ, кому доводится
Засыпать въ твоей тѣни!
Кого думы грустныя не мучаютъ,
Какъ меня теперь, несчастную...
Мать меня рѣшилася
Выдать замужъ за немилаго,
За немилаго, за богатаго.
Вѣдь не въ деньгахъ, люди сказываютъ,
Наше счастье заключается,
И богатство—не въ грошахъ только съ дукатами: [1])
Оно въ томъ, что сердцу дорого.
За стараго не дала бъ я гроша мѣднаго,
И за вдовца—разбитаго горшка,
Но за молодого, неженатаго—
Половину имѣнія отцовскаго,
И даже все отдать бы согласилася,
Съ двумя родными братьями [2])...
А потомъ еще сказала бы,
Что мало я дала!..»

Нерѣдки, однако, случаи, когда дѣвушки выходятъ замужъ и по любви, но и при этомъ, конечно, выполняется въ подробности весь

[1]) Золотая австрійская монета.

[2]) Между братомъ и сестрой въ черногорской семьѣ существуетъ такая нѣжная любовь, что иностранцы приходятъ въ изумленіе. Вотъ почему здѣсь и говорится о такой большой жертвѣ.

обычай сватовства. Приглянулась, напримѣръ, молодому юнаку дѣвица, и вотъ надо поставить дѣло на серьезную ногу и прежде всего заявить отцу. Но черногорцы замѣчательно скромны и цѣломудренны, и юноша не сразу рѣшается привести въ исполненіе свое завѣтное желаніе. Наконецъ, онъ не выдерживаетъ. И вотъ, когда вся семья въ сборѣ и мирно посиживаетъ вокругъ огнища, онъ рѣшается.

— Отецъ,—начинаетъ дрожащимъ голосомъ тотъ самый юнакъ, который въ другое время храбро пойдетъ одинъ на пятерыхъ турокъ,—есть у меня дѣло до тебя...

А тотъ, конечно, давно ужъ смекнулъ, въ чемъ заключается это «дѣло». Не разъ видалъ онъ, какъ на народныхъ празднествахъ сынъ его танцовалъ на гумнѣ съ избранницей своего сердца и, кончивъ, каждый разъ награждалъ ее поцѣлуемъ, какъ этого требуетъ старинный обычай.

— Что жъ, говори, Ристо, я слушаю тебя!—серьезно отвѣчаетъ отецъ, чувствуя, что вотъ сейчасъ начнется что-то новое и важное въ жизни семьи.

— Полюбилась мнѣ, отецъ, дѣвица, и хочу я связать съ нею свою судьбу. Благословишь ли ты меня?

— А храбраго ли она роду и племени?—больше для виду справляется отецъ.—Если не

храбрыхъ родителей она дочь, то не жди моего отцовскаго благословенія...

— Она изъ храбраго рода Ивановичей, дочь славнаго стараго Радо! — съ гордостью заявляетъ женихъ.

— Коли такъ, я согласенъ. Съ такой семьей породниться не зазорно...

И тутъ старикъ, перебирая разсѣянной рукой гусли, начинаетъ вспоминать безконечные подвиги этого храбраго племени, какъ много послужили они черногорской свободѣ, сколько разъ отбивали ненавистныхъ турокъ. Мать и сестры осаждаютъ счастливаго юнака своими чисто женскими вопросами:

— А что красива она? здорова? стройна? — сыплется на него со всѣхъ сторонъ.

И вотъ семейный совѣтъ рѣшаетъ дать дѣлу ходъ и назначаетъ на завтра *малую просьбу*. Это значитъ, что одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ членовъ рода, обыкновенно почтенный старикъ, отправится къ родителямъ невѣсты просить ея руки. Но пока что, дѣло всегда держится втайнѣ, — вѣдь отказъ черногорецъ считаетъ страшнымъ позоромъ!

Наступило и утро. Избранный сватъ снаряжается и идетъ въ домъ невѣсты. Его встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями, какъ и всякаго почтеннаго гостя въ этой странѣ. Женщины подходятъ одна за другой и, по обычаю, цѣлуютъ ему руку. Хозяйка снимаетъ

съ него струку, бережно вѣшаетъ ее на гвоздь и, подставивъ низенькій трехногій стулъ, приглашаетъ гостя сѣсть возлѣ огнища. А сватъ уже залюбовался присутствующей тутъ же невѣстой и не выдерживаетъ:

— Згодна си дѣвойка, жива била![1])—восклицаетъ онъ къ великому смущенію дѣвушки, которая тутъ же исчезаетъ со всѣми своими подругами.

Всѣ усаживаются вокругъ огнища; появляется угощеніе. Но гость не выдаетъ сразу своихъ намѣреній, долго ходитъ вокругъ да около и, наконецъ, пропустивъ рюмочку-другую доброй ракіи, храбро приступаетъ къ дѣлу.

— Вотъ что, старина,—начинаетъ онъ,—есть у тебя дочь, красавица Милица, приглянулась она племяннику моему, Ристо. Согласенъ ты породниться съ нашимъ племенемъ?

— Согласенъ-то я согласенъ,—хитритъ старикъ, скрывая внутреннюю радость,—да надо прежде ее спросить, ужъ какъ она скажетъ...

Проговоривъ это больше для видимости, онъ доводитъ все-таки дѣло до конца: зоветъ жену и дочь и объявляетъ имъ, что̀ привело къ нимъ гостя. Невѣста стоитъ, потупившись, и молчитъ какъ могила. И это ея стыдливое молчаніе считается у черногорцевъ знакомъ ея согласія.

[1]) «Красавица ты, дѣвица, будь здорова!»

Сватъ торжествуетъ, а невѣстинъ отецъ подходитъ къ нему, крѣпко пожимаетъ руку и съ чувствомъ произноситъ:

— Берите ее... Пошли Господь, чтобы она принесла счастье вашему роду!

— Хвала тебѣ, братъ!—отвѣчаетъ тотъ обычнымъ въ такихъ случаяхъ привѣтствіемъ. И тутъ онъ цѣлуется съ своимъ будущимъ родственникомъ, достаетъ изъ кармана золотой и преподноситъ его невѣстѣ. Та поспѣшно беретъ его, что́ уже означаетъ ея окончательное согласіе: лишь тогда, когда дѣвица не согласна на предлагаемый бракъ, она отказывается и отъ денегъ.

Такъ закончилась «малая просьба». Несмотря на ея благополучный исходъ, обѣ стороны рѣшаютъ все-таки, по обычаю, держать пока дѣло втайнѣ и назначаютъ день для *великой просьбы*, послѣ чего дѣло уже считается окончательно покончennымъ и больше скрываться не будетъ.

Но послѣ «малой просьбы» обычай требуетъ, чтобы оба дома созвали всѣхъ родственниковъ, объявили имъ о радостномъ событіи и испросили ихъ согласіе. Хотя дѣлается это только для видимости, но родственники должны также дать свое согласіе, что́ обыкновенно и бываетъ. И вотъ въ обоихъ домахъ начинается угощеніе, и всю ночь идетъ пиръ горой.

Незамѣтно прошла недѣля, и наступилъ день,

назначенный для «великой просьбы». Теперь племя жениха выбираетъ уже 4 славныхъ почтенныхъ стариковъ и снаряжаетъ ихъ къ роднымъ невѣсты всенародно просить ея руки; среди пословъ и отецъ жениха. Получивъ лично согласіе своего будущаго свата, онъ даритъ невѣстѣ кольцо, которое она тутъ же надѣваетъ на палецъ. Снова угощеніе, въ которомъ на этотъ разъ принимаетъ участіе счастливая невѣста, звонъ гуслей и грохотъ выстрѣловъ въ честь совершившагося торжества.

За пиршествомъ начинается поднесеніе подарковъ: гости одариваютъ хозяевъ платками, рубашками, опанками; женщинамъ дарятъ мыло, различныя украшенія женскаго наряда. Невѣстѣ будущій свекоръ преподноситъ большое румяное яблоко со спрятаннымъ внутри червонцемъ. Самое яблоко означаетъ пожеланіе здороваго, цвѣтущаго потомства, а деньги—богатства и довольства.

Но и невѣста не остается въ долгу: своему будущему свекру она подноситъ рубашку, завернутую въ платокъ; послѣднее считается знакомъ особаго уваженія. Тутъ же, по обычаю, она передаетъ свой подарокъ брату. Одариваетъ она и другихъ гостей, и едва оканчиваются всѣ эти церемоніи, какъ отецъ ея берется, обыкновенно, за гусли и затягиваетъ обычную народную пѣсню:

«Янко-атаманъ даетъ кольцо,
А за кольцомъ и яблоко румяное...
Онъ вложилъ въ нее десять золотыхъ
Изъ червоннаго золота...» и т. д.

И только послѣ этой пѣсни дѣло считается окончательно слаженнымъ.

Какъ и въ другихъ странахъ, и въ Черногоріи бываютъ случаи, что сватовство почему-либо разстраивается. Но народъ такъ строго караетъ тамъ измѣну, что допускаетъ лишь самыя уважительныя причины. Конечно, если невѣста, напримѣръ, послѣ «великой просьбы» сойдетъ съ ума или ослѣпнетъ—съ такой неудачей еще примирится гордый черногорецъ; но стóитъ лишь невѣстѣ измѣнить жениху или жениху невѣстѣ — это уже считается вѣроломствомъ, въ которомъ виновата не только измѣнившая сторона, но и все племя. И вотъ начинается вражда между двумя племенами, нерѣдко заканчивающаяся кровопролитіемъ...

Мѣстами, однако, не такъ строго судятъ измѣну жениха послѣ состоявшейся уже «великой просьбы», какъ если онъ просто, на словахъ, пообѣщался дѣвушкѣ, а потомъ раздумалъ на ней жениться: народъ вѣритъ, что проклятья обманутой дѣвушки имѣютъ страшную силу и вѣроломнаго жениха ждутъ всякія несчастія. Если невѣстѣ измѣнитъ женихъ, ему «перерубаютъ конекъ», т.-е. онъ навѣки изгоняется изъ своей родины. Правда, въ очень

рѣдкихъ случаяхъ, дѣло кончается болѣе миролюбиво, и обѣ семьи приходятъ къ какому-нибудь соглашенію, при чемъ женихъ возвращаетъ еще полученные подарки; если же измѣнила невѣста, то она обязана возвратить вдвое болѣе того, что получила. Случается и такъ, что, нарушивъ слово, женихъ спѣшитъ скрыться въ Турцію или Австрію; тогда отецъ его, чтобы замять непріятное дѣло, старается женить на покинутой дѣвушкѣ другого сына или кого-либо изъ родственниковъ.

Свадьба назначается, обыкновенно, черезъ годъ послѣ «великой просьбы», а иногда еще позже, но невѣста все это время пользуется попрежнему полнѣйшей свободой: она также посѣщаетъ хороводы, всевозможныя народныя празднества, одна расхаживаетъ по базарамъ, словомъ, ничуть не мѣняетъ своихъ привычекъ. А дома усердно готовится приданое, которое состоитъ лишь изъ одежды: черногорская дѣвушка крайне рѣдко приноситъ мужу денегъ или какую-либо недвижимость, развѣ только она сирота и осталась единственной наслѣдницей родительскаго имущества.

Свадьба бываетъ, обыкновенно, послѣ окончанія полевыхъ работъ. Предварительно избираются съ обѣихъ сторонъ выборные люди, которые выбираютъ сватовъ и условливаются насчетъ *увоза невѣсты*: обрядъ вѣнчанія происходитъ въ жениховомъ селѣ, и цѣлый свадебный поѣздъ пріѣзжаетъ за невѣстой.

Приблизился незамѣтно и канунъ свадьбы. Въ этотъ день женихъ получаетъ множество подарковъ: ему шлютъ большіе хлѣбы, жареныхъ барановъ и свиней, водку и вина. Тутъ же собираются и сваты, набранные, обыкновенно, изъ друзей и пріятелей жениха, хотя бы они жили на другомъ концѣ Черногоріи. Справляется послѣдній день свободной холостой жизни—вино льется рѣкой, веселью конца не видать... Тутъ же сваты условливаются, кому кѣмъ быть на завтрашнемъ торжествѣ: тотъ, кто въ свадебномъ поѣздѣ пойдетъ впереди всѣхъ, чтобы дать знать невѣстинымъ роднымъ о приближеніи жениха, называется *первенцемъ*. Такой вѣстникъ выбирается ужъ изъ самыхъ удалыхъ молодцовъ-юнаковъ. Затѣмъ слѣдуетъ *старый сватъ*—это почтенный уважаемый старикъ, назначеніе котораго—говорить рѣчи на предстоящемъ торжествѣ; вотъ почему онъ непремѣнно долженъ быть уменъ, находчивъ и краснорѣчивъ. За старымъ сватомъ идутъ *два шафера*—изъ родныхъ или двоюродныхъ братьевъ жениха, а за неимѣніемъ ихъ, изъ ближайшихъ родственниковъ. За ними *воевода* и *кумъ*; послѣдній выбирается, обыкновенно, съ разсчетомъ: тотъ, съ кѣмъ женихова семья желала бы породниться. Въ свадебномъ поѣздѣ участвуютъ только одни мужчины.

Но вотъ, наконецъ, насталъ и день отъѣзда: начинается то важное событіе въ жизни человѣка, которое нерѣдко рѣшаетъ всю его дальнѣйшую судьбу. Уже съ ранняго утра всѣ отправляются въ путь, который, при разбросанности черногорскихъ селъ, длится иногда дней 5—6. Нечего говорить, что берется съ собой изрядный запасъ вина и закусокъ. Всѣ необыкновенно веселы и шумны, пѣсни и выстрѣлы оглашаютъ воздухъ, извѣщая жителей о наступившемъ торжествѣ. Впереди всѣхъ первенецъ, за нимъ старый сватъ, а тамъ кумъ, шафера и другіе сваты, а все шествіе замыкаетъ воевода. Жениха и въ поминѣ нѣтъ.

По изстари заведенному обычаю, сваты угощаютъ всѣхъ встрѣчныхъ водкой и виномъ— будь это хоть турки или племенные враги. И отказываться отъ такого угощенія считается грѣхомъ, а выйдетъ водка — ее прямо въ первой же деревнѣ и требуютъ, что̀ съ готовностью исполняется, да еще и совершенно безплатно. Когда же въ попутныхъ деревняхъ проживаютъ знакомые жениха или невѣсты, то они уже сами выходятъ навстрѣчу съ большими бутылями въ рукахъ. По всему пути поются пѣсни и то и дѣло раздаются выстрѣлы.

Въ старину случалось, что встрѣтятся по пути такихъ два свадебныхъ поѣзда и ни за что не уступятъ другъ другу дороги: по мнѣнію черногорцевъ, уступившій дорогу тѣмъ самымъ уже

унизилъ свою невѣсту передъ другою. Вотъ и начинались ссоры, доходившія нерѣдко до кровопролитныхъ схватокъ, и торжество омрачалось убитыми и ранеными.

Но вотъ поѣздъ вступаетъ ужъ въ деревню невѣсты. Жители высыпаютъ на улицу, встрѣчаютъ сватовъ водкой и виномъ.

— Да будетъ счастливъ вашъ путь!

— Пусть принесетъ вамъ такихъ же богатырей, какъ ея предки!

И много еще другихъ пожеланій сыплется со всѣхъ сторонъ, и на каждое изъ нихъ сваты отвѣчаютъ выстрѣломъ.

Едва свадебный поѣздъ приблизится къ дому невѣсты, отъ сватовъ отдѣляется первенецъ и выступаетъ впередъ, чтобы извѣстить о прибытіи ея родныхъ. Изъ дома съ виномъ въ рукахъ выходятъ братья и родственники невѣсты, привѣтствуютъ и угощаютъ прибывшихъ. Первыми со стороны жениха вступаютъ въ домъ два шафера: одинъ изъ нихъ несетъ опанки и ставитъ ихъ подъ столъ, другой ставитъ на столъ бутылку краснаго вина и кладетъ свадебный колачъ. Сдѣлавъ все это, одинъ изъ шаферовъ выходитъ на порогъ дома и стрѣляетъ изъ пистолета. Тотчасъ же раздаются отвѣтные выстрѣлы со стороны сватовъ, и вотъ всѣ вступаютъ въ домъ невѣсты.

Тутъ начинается обрядъ за обрядомъ—все сѣдое наслѣдіе глубокой старины. Взявъ при-

несенный свадебный колачъ, шаферъ передаетъ его невѣстиному старому свату.

— Позолотите его! — восклицаетъ тотъ.

Теперь выступаетъ жениховъ старый сватъ и отвѣчаетъ.

— Въ добрый часъ! А сколько просите?

Оба свата начинаютъ торговаться безъ всякихъ стѣсненій, и, столковавшись, наконецъ, жениховъ сватъ кладетъ на хлѣбъ нѣсколько золотыхъ. А тотъ кладетъ колачъ на голову, разламываетъ его и при этомъ произноситъ:

— Такъ какъ изъ дома этого уходитъ дѣвица, то пошли Богъ, чтобы въ новомъ ея домѣ овцы расплодились, какъ звѣзды на небѣ! Пусть родится кукурузы и пшеницы, сколько въ морѣ песку! Пусть цѣлъ будетъ домъ ея и не проваливается крыша, а сыновей дай ей, Боже, столько, сколько было ихъ у Юга Богдана! [1])

И много еще всяческихъ пожеланій посылаетъ невѣстѣ ея старый сватъ и, наконецъ, кладетъ колачъ на уставленный яствами столъ, который ужъ и такъ ломится отъ всякаго добра. На огромныхъ турецкихъ блюдахъ красуется на первомъ планѣ цѣлая жареная свинья или баранъ. Одинъ изъ сватовъ вынимаетъ изъ-за пояса ятаганъ, который срубилъ не одну ту-

1) Югъ Богданъ — извѣстный сербскій народный герой: 15-го іюня 1389 г. онъ погибъ на Коссовомъ полѣ вмѣстѣ съ своими девятью сыновьями въ битвѣ съ турками. Послѣ этого-то неудачнаго сраженія сербы и стали данниками турецкаго султана.

рецкую голову, и разрѣзаетъ его на части; наливается вино, и поднимается пиръ горой. Понемногу развязываются языки, и начинаются рѣчи; говорятъ по большей части стихами, и дѣло идетъ опять-таки о всевозможныхъ пожеланіяхъ молодымъ.

Но вотъ угощеніе кончено. Встаетъ жениховъ шаферъ и приноситъ невѣстѣ новые опанки, которые она, по обычаю, обязана надѣть, прежде чѣмъ оставить родительскій домъ. Подруги и родственницы невѣсты одѣваютъ ее во все новое, только капицу (шапочку) никто не осмѣливается тронуть. И вотъ, когда все уже кончено, въ комнату входитъ братъ ея (а за неимѣніемъ его ближайшій родственникъ) и торжественно снимаетъ съ нея дѣвичью шапку, говоря:

— Въ добрый часъ, сестра!

Тутъ онъ надѣваетъ на нее черный шелковый платокъ съ красной каймой и ведетъ въ столовую. Ее подхватываютъ сваты, усаживаютъ на самое почетное мѣсто и начинаютъ потчевать виномъ. По обычаю, она должна сначала отказываться, а тѣ упрашиваютъ ее, пока она, наконецъ, не согласится... Едва она допиваетъ свой стаканъ, всѣ рѣчи кончаются, присутствующіе встаютъ, и всѣ собираются въ путь. Братья невѣсты передаютъ ее двумъ шаферамъ, тѣ ведутъ ее изъ родительскаго дома, восклицая:

— Хвала вамъ, пріятели!

Но вотъ раздались лихія юнацкія пѣсни, и свадебный поѣздъ трогается. Невѣста идетъ между двумя шаферами, и едва она отойдетъ немного отъ родимаго крова, какъ сзади нея раздается послѣдній привѣтъ ея родителей:

— Прощай, родимая дочка!

И, по обычаю, она непремѣнно должна при этомъ оглянуться еще разъ на родное гнѣздо.

Опять свадебный поѣздъ встрѣчается повсюду виномъ и привѣтствіями во весь обратный путь; гулкіе выстрѣлы то и дѣло гремятъ въ воздухѣ. А шафера зорко слѣдятъ за невѣстой, ни на минуту не оставляя ее одной: это пережитокъ сѣдой старины, когда невѣстъ отбивали по дорогѣ сербы, а нерѣдко и смѣлые турецкіе гайдуки [1]), забиравшіеся въ глубь Черногоріи. При этомъ случалось порою, что шафера, забывъ про невѣсту, кидались съ ятаганами въ рукахъ на враговъ и счастливо отбивали нападеніе; но въ суматохѣ не замѣчали, какъ разбитый врагъ, убѣгая, увлекалъ за собою и невѣсту. Имена оплошавшихъ шаферовъ покрывались потомъ навѣки позоромъ, а народная мудрость создала поговорку: „Какъ шафера безъ невѣсты“.

Но вотъ уже близится женихова деревня. Лихія пѣсни становятся все громче, выстрѣлы учащаются, не прекращаясь даже у самыхъ цер-

[1]) Пѣшіе, легко вооруженные воины.

ковныхъ воротъ. Всѣ входятъ въ церковь, какъ были, при ружьяхъ и пистолетахъ, снимаютъ шапки и преклоняются предъ иконами. Женихъ появляется въ церкви незамѣтно, и начинается обрядъ вѣнчанія. Когда все кончено, онъ выходитъ изъ церкви, стрѣляетъ изъ пистолета, давая тѣмъ знать, что наступилъ конецъ его холостой жизни, и такъ же незамѣтно исчезаетъ домой. Вслѣдъ за нимъ трогается и свадебный поѣздъ подъ звуки народныхъ свадебныхъ пѣсенъ.

А вотъ и домъ жениха. На порогѣ показалась его мать и разстилаетъ шерстяное одѣяло, по которому непремѣнно должна пройтись молодая. Это значитъ, что она не должна быть болтлива и языкъ ея долженъ быть мягокъ и нѣженъ, какъ шерсть. Тутъ же, на порогѣ, встрѣчаетъ ее женщина или мужчина съ цвѣтущимъ мальчугаиомъ на рукахъ, котораго молодая крѣпко цѣлуетъ: это знакъ обильнаго мужского потомства. Вѣдь при вѣчной боевой жизни дороже мальчиковъ ничего не могло быть для черногорца.

Только теперь молодая входитъ въ домъ мужа. Начинается угощеніе. Священникъ благословляетъ трапезу, и всѣ принимаются за ѣду. Снова безконечныя рѣчи и пожеланія, снова гулкіе выстрѣлы будятъ окрестную тишину.

Дня черезъ три, а мѣстами и позже, молодую навѣщаютъ родные, при чемъ мать и братъ обязаны непремѣнно быть среди нихъ. Отецъ

привозитъ въ подарокъ большой хлѣбъ, а мать—красивую рубашку, роскошно расшитую золотомъ и шелками; уже давно берегла она ее на этотъ важный случай. А свекоръ, въ свою очередь, одариваетъ гостей, при чемъ сватьѣ своей онъ подноситъ кусокъ мыла, а въ немъ червонецъ; остальнымъ—шелковые платки. Цѣлый день пируютъ гости, и только на утро, подъ шумные пѣсни и выстрѣлы, они отправляются во-свояси. А молодой, чтобы показать свою щедрость и достатокъ, тотчасъ же шлетъ имъ вдогонку большой хлѣбъ, жаренаго барана и всевозможные гостинцы.

Хорошо живется молодой весь первый годъ замужества. Въ сопровожденіи свекра или братьевъ мужа она часто посѣщаетъ ярмарки, хороводы, разныя семейныя торжества; работой ее не донимаютъ, всѣ относятся къ ней ласково, словомъ, она служитъ какъ бы украшеніемъ своего новаго дома. Но по прошествіи года положеніе ея рѣзко измѣняется: она становится уже хозяйкой дома, и тутъ-то начинается та тяжкая, безконечная работа, которою такъ славится черногорская женщина. Она слѣдитъ за домашнимъ хозяйствомъ, готовитъ пищу, раститъ дѣтей, работаетъ въ полѣ, огородѣ, ухаживаетъ за виноградниками, изготовляетъ одежду, даже обувь. Воспитанный долгими вѣками борьбы и воинской жизнью черногорецъ считаетъ унизительнымъ для себя

поднять какую-нибудь тяжесть на плечи. И вотъ понадобится ли принести вязанку дровъ изъ лѣсу, какіе-нибудь продукты съ поля — и тутъ надрывается неутомимая черногорка.

Но зато замужняя женщина пользуется полной свободой въ Черногоріи. Она можетъ самостоятельно вести торговлю, законъ позволяетъ ей имѣть свое собственное имущество, ея присяга считается наравнѣ съ мужской. Вздумаетъ ли она пойти на базаръ, отстоящій нерѣдко на разстояніи нѣсколькихъ дней пути, она можетъ быть совершенно увѣрена, что ее никто не обидитъ; наоборотъ, каждый встрѣчный, и знакомый и незнакомый, окажетъ ей всякое покровительство при нуждѣ—до того велико уваженіе черногорцевъ къ своимъ женщинамъ!

Въ случаѣ обиды со стороны мужа законъ даетъ право женѣ не только обращаться въ судъ, но и къ самому князю. Она можетъ также получить и разводъ, хотя не имѣетъ тогда уже права выходить замужъ вторично. Если есть дѣти, то они при разводѣ остаются за отцомъ; но надо сказать, что въ такихъ случаяхъ разводъ очень рѣдокъ у черногорцевъ. Когда умираетъ жена, вещи ея переходятъ къ дочерямъ, а если ихъ нѣтъ, то къ ея роднымъ.

Отъ свадебнаго пира, отъ радости и веселья перейдемъ теперь къ тѣмъ грустнымъ мину-

тамъ человѣческой жизни, которыя рано или поздно посѣщаютъ всякаго. Мы видѣли, какъ живетъ и радуется черногорецъ; посмотримъ теперь, какъ умираетъ онъ и какъ провожаютъ его въ жизнь вѣчную остающіеся послѣ него близкіе.

И тутъ черногорцы не похожи на другія народности, и тутъ оставила неизгладимый слѣдъ вся ихъ прошлая бурная жизнь. Въ то время, какъ большинству людей страшна мысль о разлукѣ съ жизнью вдали отъ родного крова, отъ близкихъ сердцу лицъ, для черногорца, напротивъ, ужаснѣе всего умереть дома, на мирной постели, въ кругу родныхъ. Смерть на полѣ брани — вотъ, по понятію черногорца, единственно достойная смерть для храбраго юнака... Вѣками привыкъ онъ умирать за свободу, не страшна ему турецкая пуля или мѣткій ударъ ятагана. И вотъ сто́итъ лишь въ Черногоріи одной женщинѣ поссориться съ другою, она не находитъ болѣе страшнаго проклятія, какъ сказать ей:

— Дай Богъ, чтобы твои всѣ умирали на постели!

Надо, однако, сознаться, что обстановка мирно умирающаго человѣка, дѣйствительно, необыкновенно печальна и тяжела въ Черногоріи. Когда родные видятъ, что положеніе больного безнадежно, что ангелъ смерти уже витаетъ надъ его головой, они прибѣгаютъ къ послѣд-

нему средству: призываютъ священника, освящаютъ масло и мажутъ имъ больного [1]).

А сосѣди, прослышавъ о надвигающемся несчастіи, одинъ за другимъ спѣшатъ къ умирающему, набиваясь въ комнатѣ, какъ сельди въ боченкѣ. И здоровому становится тутъ невмоготу и положительно нечѣмъ дышать... Къ тому же всѣ они высказываютъ свои сожалѣнія больному по поводу близкой его кончины, и можете себѣ представить, какъ должно это дѣйствовать на человѣка въ полной памяти, приближающагося къ самымъ послѣднимъ торжественнымъ минутамъ своей жизни... Въ головахъ зажжена уже восковая свѣчка, родные неотступно донимаютъ его своими вопросами о его предсмертныхъ распоряженіяхъ, добиваются, кому онъ завѣщаетъ что и т. д. И, главное, дѣлается все это не изъ корысти, а по освященному вѣками обычаю: черногорцы твердо вѣрятъ, что все это облегчаетъ путь отъ земной жизни къ загробной, а торжественность обстановки придаетъ почетъ и славу умирающему въ глазахъ народа. Да, тяжело умирать неустрашимому черногорскому орлу

[1]) Освященіе масла - одинъ изъ торжественныхъ обрядовъ у черногорцевъ, который совершается какъ въ церкви, такъ и на дому, но всегда непремѣнно „соборнѣ“ — тремя и, лишь въ крайнемъ случаѣ, двумя священниками. Для освященія масла каждый можетъ выбрать какой угодно день; иные устраиваютъ это торжество по поводу какого-либо событія въ семьѣ—радостнаго или печальнаго. Особенной торжественностью обрядъ этотъ сопровождается на дому; въ церкви же совершается по требнику.

на мирной постели, среди близкихъ сердцу людей!

Но вотъ ужъ оборвалась нить жизни, и умирающій испустилъ послѣдній вздохъ. Поднимается невообразимый плачъ и крикъ родныхъ. Мгновенно кто-нибудь изъ мужчинъ (а иногда и не одинъ) выскакиваетъ наружу и изступленнымъ голосомъ, точно призывая кого на помощь, кричитъ:

— Ку-ку! Ле-ле!

И набожный черногорецъ, заслышавъ спросонья этотъ страшный крикъ, тотчасъ же поднимается съ постели и спѣшитъ въ тотъ домъ выразить свое сочувствіе. И все время, пока покойникъ находится въ домѣ—и день и ночь—нѣтъ отбою отъ посѣтителей, которыхъ угощаютъ виномъ, ракіей и кофе.

Скончавшагося немедленно обмываютъ, одѣваютъ въ его лучшій праздничный нарядъ; священникъ читаетъ надъ нимъ Евангеліе. Похороны назначаются не ближе сутокъ, хотя можно по закону держать и дольше; но лѣтомъ черногорецъ не любитъ оставлять надолго покойника въ домѣ.

Обрядивъ какъ слѣдуетъ усопшаго, его кладутъ на какой-нибудь досчатый помостъ или прямо на скамейку; возлѣ раскладывается оставшаяся послѣ него одежда, оружіе, ордена — для большаго почета въ народѣ... Для выноса сбиваются носилки, съ которыхъ по-

томъ покойника прямо и спускаютъ въ могилу. Гробъ раньше дѣлался очень рѣдко, и то только для высокопоставленныхъ лицъ; теперь же, если есть кому сдѣлать, онъ дѣлается и для простого смертнаго; но, вообще говоря, черногорецъ и до сихъ поръ привыкъ называть гробомъ самую могилу. Послѣ выноса двери въ домѣ остаются раскрытыми до самаго конца погребенія.

Могила черногорская тоже непохожа на нашу: выкопавъ въ ростъ человѣка, края ея выкладываютъ камнями, а когда тѣло спущено въ могилу, на нихъ опираются своими концами положенныя поперекъ каменныя же плиты. Черногорецъ очень заботится, чтобы земля не давила потомъ тѣло, почему и устраиваетъ такъ заботливо свои могилы.

Но вотъ уже настало и время отпѣванія. Покойникъ уже въ церкви, куда и стекаются со всѣхъ сторонъ родственники, которымъ дается знать тотчасъ же послѣ смерти человѣка. И какъ странно видѣть это необыкновенное шествіе! Идутъ они по большей части гурьбой, тихо, другъ за другомъ; мужчины, упершись руками въ бока, время отъ времени отчаяннымъ голосомъ выкрикиваютъ: «Ку-ку! Ле-ле!» И лишь только приблизятся они съ этимъ возгласомъ къ церкви, какъ оттуда выходитъ навстрѣчу кто-либо изъ родныхъ усопшаго и съ такимъ же отвѣтнымъ крикомъ ве-

детъ ихъ въ церковь. А тѣ прямо въ шапкахъ вбѣгаютъ туда, какъ безумные, принимаются дико скакать и кричать у самаго гроба и при этомъ съ такой силой бьютъ себя кулаками по головѣ, что слетаютъ, наконецъ, и шапки; женщины отчаянно колотятъ себя въ грудь. Въ былое время всѣ безразлично—и женщины и мужчины—царапали еще себѣ лицо ногтями: въ особенности же это усиливалось на самой могилѣ. Это считалось настолько необходимымъ обрядомъ, что для такой дикой цѣли не стригли, бывало, ногтей или отращивали ихъ только на нѣкоторыхъ пальцахъ... Изъ родныхъ обязаны были уродовать себя такъ прежде всего снохи, сестры, сынъ по отцѣ и родители по взрослымъ сыновьямъ. Но какъ бы ни страдалъ черногорецъ, какъ бы ни тяжела была утрата для него—онъ никогда не заплачетъ по сынѣ: это унизило бы его мужскую твердость, это не достойно было бы храбраго юнака!

Особенно проявлялась въ прежнее время печаль по народномъ главарѣ. Всѣ находившіеся подъ его главенствомъ—и родные и чужіе—неистово царапали себѣ лица; сестра, сноха и жена его обрѣзывали себѣ, кромѣ того, и косы и клали ихъ потомъ на могилу; но со времени князя Даніила этотъ дикій обычай отмѣненъ и строго карается закономъ. Если такой народный вождь погибалъ на полѣ брани,

то женщины сопровождали его своими печальными, но полными глубокаго для нихъ смысла, пѣснями. Вотъ, напримѣръ, *куканье* или *покайница*, какъ называютъ эти пѣсни черногорцы, жены надъ погибшимъ мужемъ:

«Куда ты улетѣлъ, мой соколъ-молодецъ,
Изъ своего молодецкаго гнѣзда?
Ты полетѣлъ съ соколами въ бой кровавый,
Гдѣ юнаки дерутся съ туркомъ за свободу,
Гдѣ турокъ рѣжутъ—все за вѣру,
За православную, святую;
Гдѣ изъ-за чести молодцы перегоняются,
Изъ-за бранной чести, изъ-за имени юнака...
Ты рѣзалъ турокъ, дикихъ басурманъ,
Ты билъ ихъ, богатырь, молодецъ-храбрецъ;
Но тебя нашла турецкая пуля
И свалила она къ родной землѣ...
Но пусть ты погибъ, я жалѣть не хочу;
Не для того ль и на свѣтъ ты родился,
Чтобы умереть не смертью женщины,
Не на мягкой постели, въ кругу родныхъ,
Но на бранномъ полѣ за родную землю,
За святую нашу Черногорію...
Погибъ ты, родной, оставилъ кукушку [1]),
Оставилъ меня, черную вдову,
И еще родныхъ четверо дѣтей,
Четверо дѣтей, милыхъ сыновей...
Вырастутъ они—отомстятъ за тебя,
Отомстятъ за тебя—страшно отомстятъ...
Тебя нѣтъ больше между нами здѣсь,
Но зато ты сидишь въ небесахъ,
Въ кругу, мой соколъ, храбрыхъ юнаковъ...

[1]) Т.-е. вдову.

Тамъ тебѣ почетное мѣсто выбрали,
Съ радостью тебя они встрѣтили...
Тамъ увидишь ты Милоша-атамана,
И Марка храбраго, Груицу-юнака» и т. д.

Тутъ начинается безконечное перечисленіе любимыхъ народныхъ героевъ, павшихъ въ борьбѣ за черногорскую свободу.

Но вотъ конченъ обрядъ отпѣванія, начинается послѣднее разставаніе съ усопшимъ. Съ носилокъ тѣло прямо спускаютъ въ могилу, и въ это мгновеніе вся толпа, доходящая иногда до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, разомъ, какъ по командѣ, выкрикиваетъ что есть силы: «Куку! Ле-ле!» Кровь стынетъ въ жилахъ непривычнаго человѣка,—до того дико и страшно это зрѣлище. Опять мужчины ударяютъ себя кулаками, прыгаютъ и скачутъ, какъ безумные, а женщины доходятъ до того, что еле держатся на ногахъ; иныя въ изступленіи прямо кидаются въ могилу. А мертвое тѣло, между тѣмъ, поливаютъ виномъ, а если его нѣтъ, то уксусомъ или деревяннымъ масломъ; туда же высыпаютъ и уголья изъ кадильницы.

Едва кончилось погребеніе, какъ всѣ присутствующіе мирно разсаживаются по могильнымъ плитамъ, другъ противъ дружки, такъ что между обоими рядами образуется пустое пространство. И вотъ на эту-то дорожку выходятъ двѣ женщины и начинаютъ, какъ говорятъ черногорцы, *тужити* (причитать). Онѣ медленно,

гуськомъ подвигаются другъ за другомъ, все время покачиваясь впередъ; едва первая начинаетъ причитать, вторая тотчасъ же подхватываетъ и повторяетъ за нею слово въ слово. И, пока кончится весь запасъ причитаній, онѣ успѣютъ иной разъ обернуться разъ двадцать по дорожкѣ. Между тѣмъ сидящихъ обносятъ кутьей изъ пшеницы, поверхъ которой положена восковая свѣчка: каждый беретъ ее, прежде чѣмъ приняться за кутью, цѣлуетъ, прикладываетъ ко лбу. Далѣе обносятъ виномъ и водкой, и этимъ заканчивается всякое угощеніе по покойномъ. А вокругъ уже слышатся обычные житейскіе разговоры, дымятся трубки, какъ-будто съ исчезновеніемъ изъ глазъ покойника вмѣстѣ съ нимъ скрылась и печаль...

Поминальный обѣдъ устраивается въ сороковой день, черезъ полгода и въ годовщину смерти; при этомъ въ церкви служится панихида. Послѣ покойнаго вся семья въ знакъ печали облекается въ трауръ: мужчины выворачиваютъ на изнанку куртку, пока не будетъ готова новая изъ чернаго сукна, и носятъ шапку не съ краснымъ, а чернымъ дномъ, исчезаетъ отовсюду и золотое шитье; женщины надѣваютъ черную юбку, покрываются чернымъ платкомъ, тщательно скрывая до послѣдняго волоска; жена покойнаго перевязываетъ еще и косы спереди назадъ. И какой бы ни былъ

торжественный праздникъ, изъ этого дома теперь уже не стрѣляютъ.

Цѣлый годъ причитаютъ потомъ женщины по покойникѣ. Въ первую недѣлю это дѣлается по нѣскольку разъ въ день, но утромъ, на зарѣ, это обязательно. И вотъ, когда кругомъ все объято глубокимъ сномъ, встаетъ мать или сестра и начинаетъ *лелекать*. Чѣмъ дальше, тѣмъ все это совершается рѣже, и такъ до конца года. А жена оплакиваетъ мужа и еще усерднѣе: мѣстами она цѣлый годъ никуда не выходитъ по праздникамъ изъ дома.

Носилки послѣ покойнаго сжигаются, такъ же какъ и одежда, въ которой онъ умеръ, если только ее не жертвуютъ какому-нибудь бѣдняку. Больше всего хранится послѣ него оружіе, ордена и шапка, а порою и прядь волосъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о черногорскихъ кладбищахъ, которыя, кстати сказать, всегда находятся при церкви. При нуждѣ у этого народа принято черезъ три года перекапывать могилы, при чемъ черногорцы любятъ тогда смѣшивать всѣ кости. Дѣлается это отчасти потому, что мѣста вообще мало у населенія, отчасти же благодаря огромному труду, который часто приходится затрачивать на копаніе могилы: то и дѣло приходится разрывать при этомъ сплошной камень.

Чтобы покончить съ похоронами, приведемъ одну изъ многочисленныхъ на этотъ случай

народныхъ пѣсенъ въ дивномъ переводѣ нашего безсмертнаго Пушкина:

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЬ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ, ночь ясна;
Чарка выпита до дна.
Пуля легче лихорадки;
Воленъ умеръ ты, какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки,
Но твой сынъ его убилъ.
Вспоминай насъ за могилой;
Коль сойдетесь какъ-нибудь,
Отъ меня отцу, братъ милый,
Поклониться не забудь!
Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила:
Я здоровъ—и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.
Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ:
Умный мальчикъ у меня—
Ужъ владѣетъ ятаганомъ
И стрѣляетъ изъ ружья.
Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ,
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ иль нѣтъ—узнаешь самъ.
Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ, ночь ясна;
Чарка выпита до дна [1]).

[1]) Подлинникъ на сербскомъ языкѣ принадлежитъ Іакиноу Магдановичу.

Глава VI.

Какъ управляются черногорцы.—Судъ.—Воспитаніе и обученіе.—Нравы.—Народныя сказанія.

Еще недавно Черногорія имѣла чисто племенное устройство, т.-е. каждое племя управлялось совершенно самостоятельно, а нѣкоторыя, болѣе сильныя, племена забирали власть и надъ болѣе слабыми. По народному представленію, племя—это цѣлый рядъ семей, разросшихся на протяженіи вѣковъ отъ одной семьи. И вотъ отъ имени родоначальника этой первой отдаленной семьи и получаетъ названіе все племя. Такъ, напримѣръ, отъ проживавшихъ когда-то трехъ братьевъ Озро, Васо и Пипо произошли три сильныхъ черногорскихъ племени—*озриничи*, *васоевичи* и *пипери*. По обычаю, члены одного племени считаются какъ бы родственниками и еще недавно не могли заключать между собою браковъ. Кромѣ того, каждое племя выбирало себѣ въ покровители одного какого-либо святого и праздновало его память, а земля и недвижимое имущество не могли быть отчуждаемы изъ одного племени въ другое. Такое племенное устройство въ большой мѣрѣ способствовало процвѣтанію кровной мести: вѣдь всѣ члены должны были крѣпко стоять другъ за друга, обида, нанесенная одному, считалась обидой всему племени,

точно такъ же, какъ все оно отвѣчало за провинность одного своего члена. И вотъ нерѣдко изъ-за одного человѣка два племени становились на военное положеніе, закрывали другъ для друга свои границы, и поднималась междоусобная война.

Такимъ образомъ вся Черногорія была лишь собраніемъ отдѣльныхъ племенъ, которыя то враждовали между собою, то примирялись, а въ минуту общей народной опасности всѣ соединялись и дружно шли на врага. Но изъ исторіи этого храбраго народа мы уже знаемъ, что послѣдніе владыки, а въ особенности первый князь Данiилъ и нынѣ царствующій Николай, стали постепенно переводить Черногорію отъ разрозненнаго, племенного, быта къ единому—государственному. И посейчасъ еще переходъ этотъ не законченъ, и старое во многомъ переплетается съ новымъ.

Въ настоящее время каждое племя вѣдаетъ только свои мѣстныя дѣла и подчиняется единой высшей власти. Каждое племя дѣлится, въ свою очередь, на *братства*, то-есть какъ бы на рядъ мелкихъ племенъ. Въ то время какъ родоначальникъ племени теряется въ глубь временъ, каждое братство, наоборотъ, можетъ съ полной точностью объяснить свое происхожденіе и назвать предка, отъ котораго оно ведетъ свой родъ и носитъ прозвище. Такъ, напримѣръ, въ Нѣгушахъ мы видимъ братства

Петровичей [1]), Радоничей, Богдановичей; на Цетинье — Мартиновичей, Ивановичей и т. д. Каждое братство дѣлится на *роды*; разница между ними та, что братство старше возрастомъ, т.-е. состоитъ изъ нѣсколькихъ поколѣній, а слѣдовательно насчитываетъ и больше членовъ; родъ же моложе и имѣетъ меньше членовъ, но между нимъ и братствомъ существуетъ, однако, кровное родство. Наконецъ, каждый родъ дѣлится на *семьи*, а семьи—на *дома*. И вотъ, какъ каждое племя имѣло свои опредѣленныя границы, такъ и каждое братство владѣетъ опредѣленными землями, которыя подѣлены въ собственность между родами и отдѣльными семьями.

Въ прежнее время представителемъ племени являлся *воевода* (главарь); но только сильное племя имѣло своего воеводу, болѣе же слабое подчинялось другимъ. Выбиралъ воеводу самъ народъ; это былъ всегда доблестный воинъ, никому не уступавшій въ беззавѣтной храбрости, срѣзавшій на своемъ вѣку не одну турецкую голову. И такой выборъ понятенъ, такъ какъ прежде всего воевода былъ военачальникъ, а слѣдовательно воинскія качества стояли тутъ на первомъ планѣ. Разъ сдѣлавшись народнымъ избранникомъ, такой главарь оставался уже на своемъ посту до

[1]) Откуда ведетъ свой родъ нынѣ царствующій князь Черногорскій.

конца дней своихъ, если онъ только не измѣнялъ народному довѣрію, не мѣшала дряхлость или болѣзнь; въ такихъ случаяхъ на смѣну ему тотчасъ же выбирался другой. Да иначе и не могло быть: вѣдь жизнь черногорцевъ была вѣчная борьба съ заклятымъ врагомъ, ежеми-

На смотру въ Черногоріи.

нутно могла начаться война, и безъ воеводы оставаться было немыслимо. Вотъ почему званіе это не могло быть наслѣдственнымъ: въ нужную минуту наслѣдникомъ могъ оказаться малолѣтній или же человѣкъ совершенно не обладающій необходимыми воинскими качествами. Но бывали въ исторіи Черногоріи случаи, когда воевода, отличавшійся умомъ и сильной волей, умѣлъ удерживать это званіе въ

своемъ братствѣ, такъ что званіе это становилось какъ бы наслѣдственнымъ; однако, и тутъ при каждой перемѣнѣ воевода долженъ былъ удостоиться утвержденія народа. И вотъ, получивъ власть, онъ становился полнымъ вождемъ своего племени.

Впослѣдствіи вслѣдъ за воеводами появилось и новое достоинство—*сердарей*. Первые сердари появились въ Черногоріи въ началѣ XVIII вѣка, вѣроятно подъ вліяніемъ сосѣдства съ турками, у которыхъ уже раньше существовало это званіе. Ихъ обязанность была — слѣдить за внутреннимъ порядкомъ въ племени и чинить судъ тамъ, гдѣ не было отдѣльныхъ воеводъ. Сердари простирали свое вліяніе на гораздо меньшее пространство, чѣмъ воеводы, власть ихъ была болѣе мирнаго свойства, а потому и значеніе гораздо уже. Они носили особенной формы мечъ, назначеніе котораго было скорѣе почетное; служилъ онъ больше для самообороны, а не нападенія. Однако, сердари участвовали при нуждѣ и въ бояхъ, иначе народъ не питалъ бы къ нимъ ни малѣйшаго уваженія; случалось, что имъ приходилось при этомъ заступать и мѣсто воеводъ.

За сердарями слѣдуютъ *кнези*—это старшины села или братства, на которое только и распространялось ихъ значеніе. Зато ужъ въ своемъ селѣ кнезъ былъ самое почетное и вліятельное лицо: безъ него не предпринималось

ни одно общее дѣло, къ нему обращались за совѣтомъ и рѣшеніемъ односельчане, онъ созывалъ народныя собранія, творилъ судъ, входилъ даже во внутреннія дѣла семьи или дома. Никого такъ не слушалось село или братство, какъ своего кнеза: иные изъ нихъ пользовались такой извѣстностью и почетомъ, что на ихъ призывъ откликались даже другія села или братства.

Большое вліяніе на народъ оказывало также и духовенство съ митрополитомъ во главѣ. Въ глазахъ черногорцевъ священники были не только служители алтаря, но и своего рода вожди народа. Къ нимъ относились съ большимъ уваженіемъ, давали мѣсто въ народныхъ собраніяхъ, безъ нихъ не обходилось ни одно семейное или общественное торжество. Въ частномъ быту они вели такой же образъ жизни, какъ и остальное населеніе: такъ же работали въ полѣ, ухаживали за скотомъ, нерѣдко терпѣли нужду и всякія лишенія. Вотъ почему крѣпка была связь между священниками и народомъ— они жили одной жизнью, болѣли однѣми горестями... Въ военное время они шли заодно съ другими воинами, совершали геройскіе подвиги, которые и по сей день воспѣваются въ народныхъ пѣсняхъ. Уваженіе къ духовному сану было настолько велико въ Черногоріи, что многіе стремились къ священству, и семья или родъ, изъ которыхъ выходило много священ-

никовъ, пользовались такимъ же почетомъ, какъ семьи, давшія родинѣ народныхъ героевъ. Вотъ почему родъ Поповичей пользуется особымъ уваженіемъ у черногорцевъ.

Въ наше время вся Черногорія дѣлится на 10 *нахій* (округовъ), и каждою изъ нихъ управляетъ такъ-называемый окружной *капетанъ*: это тотъ же чиновникъ, который подчиняется министру внутреннихъ дѣлъ. Въ свою очередь нахіи распадаются на «племена», представителями которыхъ являются *племенные капетаны*: ихъ всего 79 въ Черногоріи. Въ каждомъ селѣ и городѣ учреждены теперь общины; по уставу. всякое село выбираетъ себѣ *кмета* (старшину) на 3 года; въ помощники къ нему выбираются еще отъ 2 до 6 человѣкъ, смотря по величинѣ села. Всѣ они наблюдаютъ за внутреннимъ миромъ и порядкомъ, предупреждаютъ ссоры, слѣдятъ за народнымъ здоровьемъ, охраняютъ поля, виноградники и т. д.

Въ 1906 г. князь Николай даровалъ своему народу *конституцію*, т.-е. народное представительство. Нынѣ высшее управленіе находится въ рукахъ Народной Скупщины и правительства, т.-е. министровъ съ княземъ во главѣ.

Въ прежнее время всѣ важныя спорныя дѣла рѣшались народнымъ собраніемъ или *скупщиной*. Когда надо было, напримѣръ, рѣшить споръ между нѣсколькими племенами, выбирались на-

родные представители изъ людей, пользующихся довѣріемъ и уваженіемъ народа. И вотъ, на собраніи они были на одинаковыхъ правахъ съ воеводой, сердарями, даже самимъ владыкой. Рѣшеніе скупщины считалось настолько священнымъ, что если человѣкъ, котораго она присуждала къ отвѣту, не хотѣлъ подчиниться ея рѣшенію—ему оставалось только покинуть родину; часто онъ бѣжалъ въ Турцію, гдѣ неизбѣжно ужъ долженъ былъ потурчиться. Имущество его отдавали потерпѣвшему, а домъ безпощадно сжигали. Мы видимъ теперь, до чего сильна была въ то время власть народа: приговоръ его былъ закономъ. У каждаго племени было особое мѣсто для такихъ собраній—по большей части у тѣнистаго лѣска съ хорошей ключевой водой. Скупщина созывалась въ особенно важныхъ случаяхъ—когда надо было выбрать воеводу, примирить долголѣтнюю распрю, разобрать тяжбу, угрожающую общему миру, обсудить требованіе непріятеля и т. д. Бывали и частныя собранія — одного какого-либо братства, села или рода, гдѣ обсуждались свои мѣстныя дѣла; поэтому и въ каждомъ селѣ также существовало опредѣленное мѣсто для народныхъ собраній, куда сходилось все взрослое мужское населеніе, способное носить оружіе.

Но съ начала XVIII вѣка, когда понемногу племенное устройство стало уступать мѣсто государственному, впервые пошатнулась и власть

скупщины, т.-е. народа. Учреждено было новое званіе *гувернадура* [1]), который вѣдалъ дѣла, касавшіяся иностранныхъ государствъ, и помогалъ владыкѣ во многихъ другихъ случаяхъ. А владыка Петръ II, тотчасъ же по вступленіи на митрополичью каѳедру, учредилъ и первое правительство, въ лицѣ *сената:* онъ состоялъ изъ 12 сенаторовъ—все представители наиболѣе сильныхъ племенъ. Сюда переносились и спорныя дѣла; на рѣшеніе сената можно было жаловаться только уже самому князю. Еще недавно нынѣшній князь Николай самолично творилъ судъ. Ежедневно, рано поутру, онъ выходилъ въ сопровожденіи кого-либо изъ приближенныхъ изъ дворца, усаживался тутъ же во дворѣ подъ старой развѣсистой липой, гдѣ ждали уже пріѣхавшіе издалека воеводы, сенаторы и много народа. Съ появленіемъ князя, толпа устанавливалась полукругомъ въ почтительномъ отдаленіи и, по его приглашенію, живописно располагалась на травѣ и большихъ камняхъ. Онъ справлялся о нуждахъ народа, дружелюбно бесѣдовалъ съ нимъ и, замѣтивъ порою въ толпѣ двухъ издавна враждовавшихъ между собою лицъ, говорилъ имъ:

— Ну что, господа, неужто вы все еще враждуете?

И, получивъ утвердительный отвѣтъ, укоризненно продолжалъ:

[1]) Впослѣдствіи оно было уничтожено.

— Стыдитесь, братцы! Вѣдь вы ужъ старики, живете по сосѣдству, а грызетесь какъ звѣри! Полноте, пора ужъ за умъ взяться! Вотъ подойдите-ка сюда оба, протяните другъ другу руки и ступайте ко мнѣ въ домъ — спросите по кружкѣ вина и выпейте въ знакъ примиренія... Такъ-то лучше будетъ!

И такимъ образомъ заканчивалась вражда, длившаяся нерѣдко десятки лѣтъ.

Закончивъ разговоры съ сенаторами, воеводами и прочими управителями, князь тутъ же принимался рѣшать спорныя дѣла, съ которыми обращался къ нему народъ, послѣ чего отправлялся въ сенатъ. Въ 1879 г. послѣдній былъ уничтоженъ и замѣненъ государственнымъ совѣтомъ изъ 8 членовъ; изъ нихъ половина назначалась княземъ, а другая—избиралась всенародною скупщиной. Но такъ какъ и этихъ обыкновенно указывалъ князь, то, на самомъ дѣлѣ, воля народа не проявлялась тутъ вполнѣ свободно.

Нынѣ всѣ тяжебныя дѣла, возникающія въ селеніяхъ, разрѣшаются тутъ же на мѣстѣ сельскими старшинами (кметами). Если же тяжущіеся недовольны рѣшеніемъ, то они могутъ перенести дѣло въ племенской судъ, гдѣ судятъ капетаны. Такихъ судовъ существуетъ въ Черногоріи около 40, а въ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ городахъ есть и окружные суды, состоящіе уже изъ нѣсколькихъ лицъ. Самое

высшее судебное учрежденіе—это такъ-наз. *Великій Судъ*, въ Цетинье. Онъ состоитъ изъ 5 членовъ, и рѣшеніе его можно обжаловать только самому князю.

Что касается наказаній, то гордые отъ природы черногорцы никогда не допускали у себя тѣлесныхъ наказаній. Такая расправа считается настолько позорною въ этой свободолюбивой странѣ, что за каждый ударъ черногорецъ имѣетъ право убить оскорбителя, къ какой бы знатной семьѣ онъ ни принадлежалъ. Смертная казнь полагается только за убійство съ цѣлью грабежа, и то въ особыхъ случаяхъ: убійство же изъ кровной мести карается, обыкновенно, штрафомъ, если только суду удастся уговорить на это потерпѣвшихъ: еще до сихъ поръ черногорцы придерживаются въ большинствѣ случаевъ излюбленнаго стариннаго правила—«кровь за кровь».

Менѣе важныя преступленія, какъ напр. кражи, караются денежнымъ штрафомъ, и этого-то черногорецъ, по своей бѣдности, больше всего и боится. За неимѣніемъ денегъ виновный можетъ платить оружіемъ, землей, наконецъ, скотомъ—главнымъ образомъ баранами. Сумма штрафа зависитъ отъ цѣнности украденной вещи; при чемъ деньгами штрафъ берется въ 10 разъ больше, чѣмъ стоила украденная вещь, имуществомъ же только въ 5 разъ. Но въ об-

щемъ при оштрафованіи принимается въ разсчетъ и состояніе виновнаго.

Преступленій въ Черногоріи мало, какъ нигдѣ. Достаточно сказать, что еще не такъ давно на все княжество имѣлась всего на всего одна тюрьма — въ Цетинье. Но и въ ней рѣдко содержалось за разъ болѣе 20 человѣкъ.

Женщина въ Черногоріи пользуется огромнымъ уваженіемъ. Она совершенно равноправна съ мужчиной, который такъ почитаетъ и охраняетъ ее, что при случаѣ готовъ погибнуть за нее. Въ особенности высоко стоитъ въ этой странѣ материнство: никого такъ не чтитъ черногорецъ, какъ мать свою. Отъ нея онъ безропотно приметъ все, даже ударъ стерпитъ, чего никогда не проститъ отцу.

Съ малыхъ лѣтъ закаляется черногорка—не разъ приходилось ей видѣть раненаго брата убитаго дядю, обезглавленнаго отца... И сердце ея преисполнялось ненавистью къ исконному врагу своей родины. На войнѣ она ухаживаетъ за ранеными, заряжаетъ ружья воинамъ, приноситъ имъ пищу,—турецкая пуля не страшитъ ее. Не одинъ разъ участвовала черногорская дѣвушка въ жестокихъ схваткахъ, совершала подвиги, которые дѣлались потомъ достояніемъ народныхъ пѣсенъ и до сихъ поръ воспѣваются по странѣ гуслярами... Но, не-

смотря на все это, когда у черногорца рождается въ семьѣ дѣвочка, отецъ ея, сообщая объ этомъ событіи знакомымъ, говоритъ:

— *Опростите*[1]), у меня родилась дочь...

И это странное на первый взглядъ выраженіе станетъ вполнѣ понятнымъ, когда мы вспомнимъ, какъ сложилась исторія этого народа. Вѣдь цѣлыхъ 500 лѣтъ приходилось черногорцамъ отстаивать свободу своей родины въ борьбѣ съ неизмѣримо сильнѣйшимъ врагомъ, а слѣдовательно прежде всего имъ нужны были воины. Да и самая внутренняя жизнь народа сложилась такъ, что черногорцу дороже всего были сыновья. Вспомнимъ, что между племенами то и дѣло шли междоусобныя распри изъ-за кровной мести, и надѣяться на побѣду могла лишь та сторона, въ которой было больше мужчинъ. Ими же измѣрялась и сила племени: разъ въ немъ преобладало мужское населеніе, оно подчиняло себѣ болѣе слабыя племена. Неудивительно, что черногорецъ желалъ сыновей: такъ бываетъ у всякаго воинственнаго народа.

Однако, не подумайте, что дѣвочка остается заброшенной въ черногорской семьѣ—ее любятъ не менѣе сыновей. Правда, ея появленіе на свѣтъ Божій не встрѣчается такъ шумно и радостно, какъ рожденіе болѣе счастливаго брата,—не гремятъ выстрѣлы, не льется вино, не сыплются

---

[1]) Извините.

со всѣхъ сторонъ поздравленія, но все же она считается равнымъ членомъ семьи. Ея воспитаніемъ занимаются главнымъ образомъ женщины—мать, сестра, тетка,—но и отецъ не пренебрегаетъ ею—ласкаетъ, играетъ съ нею. А дочь, сызмала прислушиваясь къ его пѣснямъ, гдѣ воспѣваются геройскіе подвиги черногорскихъ орловъ, проникается постепенно той беззавѣтной храбростью, всегда готовою на самопожертвованіе, которой такъ славится черногорская женщина.

Воспитаніе дѣвочки довольно суровое; она растетъ безмятежно подъ родимымъ кровомъ до семилѣтняго возраста, хотя она давно уже научилась ухаживать за птицей. Но, когда ей исполнилось семь лѣтъ, на нее уже смотрятъ, какъ на взрослаго члена семьи, который долженъ трудомъ зарабатывать свой хлѣбъ. И вотъ путешественники, изучавшіе Черногорію, не разъ поражались, видя, какъ восьмилѣтняя пастушка невозмутимо прыгаетъ по неприступнымъ скаламъ вмѣстѣ со своими козами и овцами, или тащитъ съ отвѣсной скалы вязанку дровъ, которые сама же она и нарубила... Но это только весною и лѣтомъ, когда заодно она учится еще дѣлать сыръ, масло и проч.; осенью же и зимою она работаетъ, не покладая рукъ, у родительскаго очага: она шьетъ одежду себѣ, брату, отцу, вышиваетъ свои удивительныя, живописныя рубашки, изготовляетъ даже опан-

ки. И иначе это не могло быть—сама жизнь обрекала дѣвушку на такую труженическую жизнь: вѣдь женщины обязаны были прокормить и снарядить юнаковъ, которые смотрѣли на себя лишь какъ на воиновъ и считали позоромъ взять въ руки ремесленный инструментъ. Но зато дѣвушки пользуются въ Черногоріи такою заботливою любовью своихъ братьевъ, что иностранцы приходятъ въ изумленіе. Братъ считается естественнымъ покровителемъ и защитникомъ сестры, и горе тому, кто вздумаетъ обидѣть ее: ударъ ятагана или пуля пистолета—вотъ отвѣтъ дерзкому...

Но какъ ни высоко ставитъ черногорецъ дѣвушку, сынъ для него всего милѣе, всего дороже на свѣтѣ. Съ самаго нѣжнаго возраста мальчикъ начинаетъ вращаться въ мужскомъ обществѣ. Въ 8 лѣтъ онъ считается уже отрокомъ, надѣваетъ штаны и обматывается шерстянымъ поясомъ, какъ взрослые. И онъ также прежде всего становится пастухомъ: черногорцы считаютъ пастушество первой школой для воина. Здѣсь онъ храбро несется по скаламъ, привыкаетъ къ опасности, рискуя порою жизнью въ погонѣ за отбившейся овцой. Никто не минуетъ этой школы: самъ князь черногорскій въ свое время ходилъ за стадами. Въ 12—14 л. за поясомъ мальчика вы увидите пистолетъ и ятаганъ, и передъ вами уже настоящій воинъ. Въ прежнія времена, когда

черногорцы занимались *четованьемъ*, т.-е. уходили за добычей въ турецкіе предѣлы, такой юный воинъ шелъ съ отцомъ, дѣлилъ съ нимъ труды и опасности. И горе тому, кто до 18 лѣтъ не успѣлъ побывать на четованьѣ: онъ считался послѣднимъ человѣкомъ, и ни одна дѣвушка не согласилась бы выйти за такого труса замужъ. Въ бою отецъ и сынъ стояли другъ за друга, сынъ былъ младшимъ товарищемъ отца. Власть родительская очень крѣпка въ Черногоріи, но ей не приходится проявлять себя, такъ какъ, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, строго соблюдалась черногорская пословица: «Младшій пусть слушаетъ, а старшій пусть приказываетъ». «У молодого—сила, а у стараго—голова», говоритъ другая мудрая пословица, и тѣмъ-то и была сильна Черногорія, что отцы и дѣти жили дружно, не шли вразбродъ. Но въ послѣднее время, когда вѣчная опасность уже не виситъ больше надъ страной, стала мѣняться и семейная жизнь: теперь уже нерѣдки разлады въ черногорской семьѣ, случаются и раздѣлы,—даже не полюбовные, а по суду. Вообще вмѣстѣ съ перемѣной строя измѣняются понемногу и всѣ стороны жизни.

Что касается образованія въ Черногоріи, то за послѣднее время оно много подвинулось впередъ. Раньше черногорцу-воину некогда было думать о школахъ—всѣ мысли его были

устремлены на защиту родины—и единственными разсадниками сербской грамоты были монастыри. Первую школу основалъ въ 1833 г. владыка Петръ II при Цетинскомъ монастырѣ; вначалѣ она должна была только подготовлять къ священническому званію, но уже черезъ

Гробница Св. Петра Цетинскаго.

четыре года стала доступною для всѣхъ. Въ 1847 году возникла вторая монастырская школа въ такъ называемой Добрской Келіи, недалеко отъ Цетинье. Самъ человѣкъ образованный, Петръ II хорошо понималъ пользу и необходимость знаній для своего народа. Имя

этого послѣдняго владыки Черногоріи пользуется также большимъ почетомъ и въ исторіи сербской словесности: онъ любилъ сочинять стихи, и нѣкоторыми своими произведеніями прославился въ народѣ. Его наслѣдникъ, князь Даніилъ, также любилъ просвѣщеніе и усердно старался распространять его среди народа. Онъ выписалъ изъ-за границы опытныхъ учителей для Цетинской школы, послалъ нѣсколькихъ молодыхъ черногорцевъ въ Россію и Францію для полученія высшаго образованія. Этотъ князь задумалъ даже открыть школы по всей Черногоріи, чтобы каждый могъ пріобщиться къ знанію, но ранняя смерть помѣшала его свѣтлымъ замысламъ. Князь Даніилъ не забывалъ и взрослыхъ, для которыхъ ужъ миновала школьная пора. Тутъ учителемъ являлся онъ самъ: онъ жадно внималъ разсказамъ иностранцевъ, вычитывалъ все полезное для своей родины изъ книгъ и газетъ, потомъ выходилъ на поляну и тамъ, подъ открытымъ небомъ, училъ народъ. Толпа простолюдиновъ окружала его, а онъ сообщалъ всѣ государственныя новости, объяснялъ, что значитъ правительство, государство, что такое подати[1]) и для чего берутъ ихъ съ народа; говорилъ

[1]) Черногорцы долго и упорно отказывались платить какія бы то ни было подати. На всѣ убѣжденія своихъ правителей они говорили на народныхъ собраніяхъ: «Если бы мы хотѣли быть данниками, то мы платили бы дань Турціи».

онъ о пользѣ и необходимости образованія, что надо улучшать земледѣліе, проводить мосты и дороги, и о многихъ другихъ важныхъ для народа вопросахъ. Но, какъ мы уже говорили, ему не удалось привести въ исполненіе свои обширные замыслы.

Нынѣшній князь Николай, по вступленіи на престолъ, также думалъ отдаться народному просвѣщенію; съ этой цѣлью онъ и самъ много учился и 4 года прожилъ за границей. Но первые годы его правленія ознаменовались безпрерывными войнами съ Турціей и отодвинули всѣ другіе вопросы на задній планъ. И лишь по окончаніи военныхъ дѣйствій князь усердно принялся за дѣло народнаго образованія. Въ 1863 г. онъ основываетъ 7 мужскихъ народныхъ школъ, въ которыхъ учителями были, главнымъ образомъ, священники; школы эти были четырехклассныя. Въ 1868 г. князь предпринялъ первую поѣздку въ Россію, что также подвинуло впередъ дѣло образованія въ странѣ: императоръ Александръ II назначилъ 8000 р. ежегодно на содержаніе учительско-богословской школы въ Цетинье, а императрица пожертвовала 5500 р. на открытіе высшаго дѣвичьяго училища (института). Оба эти учебныя заведенія были открыты въ слѣдующемъ 1869 году и такимъ образомъ положено было начало и женскому образованію въ странѣ. Начальницей дѣвичьяго училища и помощ-

ницей ея назначены были двѣ русскія дѣвицы, сестры Пацевичъ, которыя всецѣло посвятили себя образованію черногорокъ. Если вспомнить, что въ то время столица Черногоріи представляла лишь небольшой бѣдный поселокъ[1]), который съ остальнымъ міромъ могъ сообщаться только трудно проходимымъ верховымъ путемъ, то мы поймемъ, что трудъ этихъ двухъ русскихъ женщинъ былъ настоящимъ подвигомъ. Обѣ онѣ управляли этимъ единственнымъ въ странѣ женскимъ учебнымъ заведеніемъ, обѣ же и учили дѣтей. Учителей достать было негдѣ: своихъ не было въ Черногоріи, а иностранцы ни за какія деньги не соглашались въ то время переселяться туда. И вотъ слава этого института росла съ каждымъ годомъ все больше и больше, и въ него стали посылать своихъ дочерей изъ сосѣднихъ областей — Далмаціи и Герцеговины. Школа эта даетъ довольно серіозное образованіе дѣвушкамъ и подготовляетъ учительницъ для народныхъ школъ.

Любовь къ просвѣщенію все больше распространялась въ народѣ. Въ 1870 г. въ странѣ, кромѣ столицы, была уже 31 школа; устрое-

[1]) И понынѣ еще Цетинье скорѣе похоже на уѣздный городъ, чѣмъ на столицу. Населенія въ немъ не наберется и 5 тысячъ чел., а зданія отличаются большой простотой и скромностью. Самъ дворецъ князя Николая похожъ снаружи на обыкновенный помѣщичій домъ, и, не будь стражи у крыльца, никто и не подумалъ бы, что здѣсь живетъ глава Черногоріи.

ны были и двухмѣсячные курсы для подготовки учителей. Черезъ нѣсколько лѣтъ открылась съ этой цѣлью и учительская семинарія. А послѣ русско-турецкой войны, когда Черногорія стала независимымъ княжествомъ и окончательно перешла на мирное положеніе, дѣло пошло еще быстрѣе: въ 1889 г. здѣсь было уже 53 школы съ 74 учителями и учительницами. Теперь ихъ, конечно, еще больше, а самымъ главнымъ учебнымъ заведеніемъ считается гимназія въ Цетинье—при богословско-учительской семинаріи. Для полученія высшаго образованія черногорскіе юноши отправляются за границу—въ Россію, Францію и другія земли.

Несмотря на свою бѣдность, черногорцы славятся самымъ широкимъ гостепріимствомъ. Каждый домъ—все равно богача или бѣдняка — всегда открытъ для путника. До 1840 г. не было даже ни одной гостиницы во всей странѣ. Путешественника (или просто гостя) встрѣчаетъ обыкновенно кто-нибудь изъ мужчинъ и послѣ первыхъ привѣтствій беретъ у него оружіе. Женщины подходятъ и цѣлуютъ руку у гостя,—такъ, по обычаю, привыкли онѣ чтить своихъ естественныхъ защитниковъ; младшая изъ нихъ снимаетъ съ него верхнюю одежду, которая въ непогоду развѣшивается для просушки тутъ же, у огнища. Сбирается обѣдъ или ужинъ, и ничего не пожалѣетъ черного-

рецъ, чтобы только достойно почтить гостя. Угостившись, хозяинъ принимается за гусли и пѣснями услаждаетъ его слухъ. А когда гость уходитъ, онъ идетъ провожать его и иногда на порядочное разстояніе; когда же они, наконецъ, разстаются и раздается послѣднее «прощай», гость стрѣляетъ изъ пистолета; въ отвѣтъ ему несется такой же выстрѣлъ со стороны хозяина.

Въ черногорскихъ домахъ находитъ себѣ убѣжище и всякій гонимый. Тутъ и *ускоки*[1]) и бѣглые австрійскіе солдаты, даже ненавистные турки принимаются одинаково радушно: разъ дѣло касается гостепріимства—для черногорца всѣ равны, безъ различія вѣры и народности. Да и вообще надо сказать, что, несмотря на горячую приверженность населенія къ своей православной вѣрѣ, вѣротерпимость широко развита въ Черногоріи; тамъ всѣ вѣроисповѣданія пользуются одинаковыми правами.

Есть у черногорцевъ и совершенно чуждый намъ обычай, опять-таки доказывающій чрезвычайное уваженіе этого народа къ своимъ женщинамъ. Это—обычай *посестримства*. Стоитъ, напр., женщинѣ спасти черногорца во время схватки или оказать ему другую важную услугу въ трудную минуту жизни, какъ онъ въ благодарность предлагаетъ ей «посестримство», т.-е. заключеніе братскаго союза.

---

[1]) Такъ называются бѣглецы изъ Албаніи и Герцеговины.

И не только мужчина можетъ предложить женщинѣ такой союзъ, но и наоборотъ; тогда она называетъ его «побратимомъ», а онъ ее «посестримой». Любовь между ними вѣчна и неизмѣнна и малѣйшая измѣна считается величайшимъ позоромъ и сопровождается всеобщимъ презрѣніемъ.

Особенно процвѣталъ этотъ обычай въ старину и обставлялся большой торжественностью. Рѣшившіе побрататься приглашаютъ обыкновенно священника; тотъ приноситъ икону св. Іоанна, передъ которою мужчина и женщина, заключающіе братскій союзъ, клянутся въ неизмѣнной вѣрности другъ другу. Тутъ священникъ прочитываетъ молитву, послѣ чего братающіеся трижды цѣлуются. Отношенія между побратимомъ и посестримой такія же, какъ и между братомъ съ сестрой; духовное родство это считается настолько близкимъ, что братья и сестры ихъ не имѣютъ права вступать между собою въ бракъ. Братающіеся не только оказываютъ другъ другу всякую помощь въ жизни, но обязаны еще мстить за смерть или рану другого. Нынѣ, вмѣстѣ съ постепеннымъ измѣненіемъ всего строя, и обычай этотъ встрѣчается все рѣже и рѣже.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о *литературѣ* черногорцевъ, т.-е. словесности ихъ. Какъ мы уже знаемъ, черногорцы одного

происхожденія съ сербами, говорятъ и пишутъ на одномъ съ ними языкѣ; многіе обычаи и нравы у нихъ общіе, чтятъ они и однихъ и тѣхъ же писателей. Были у нихъ и свои великіе поэты и изъ нихъ мы уже упоминали о владыкѣ Петрѣ II. Славится своими стихами и нынѣшній князь Николай. Но, конечно, всѣ они главнымъ образомъ воспѣвали войну, удаль, подвиги храбрыхъ юнаковъ: вѣдь писатели всякаго народа отражаютъ прежде всего его жизнь—его радости и горе, думы и надежды.

Любопытны и нѣкоторыя сказанія черногорцевъ. Вотъ, напримѣръ, сказаніе о томъ, какъ появилось на землѣ солнце.

Когда Господь Богъ создалъ міръ, то въ распоряженіи его была лишь луна, солнцемъ же, безъ котораго немыслима жизнь на землѣ, владѣлъ дьяволъ. Велика была печаль Создателя, и рѣшился Онъ во что бы то ни стало овладѣть для блага всего земного и солнцемъ.

И вотъ призываетъ онъ Св. Илію и проситъ его совѣта:

— Какъ бы это обмануть дьявола и отнять у него солнце?

— Вотъ ужъ никакъ невозможно,—отвѣчаетъ Илья,—дьяволъ хитеръ и его не проведешь. Хоть знаю я одно средство, да вѣдь Ты не разрѣшишь...

— Какое?—обрадовался Господь.

— Да обмануть его, а чтобы онъ повѣрилъ, поклясться именемъ Твоимъ...

Возмутился Создатель.

— Да, вѣдь, это величайшій грѣхъ! —воскликнулъ Онъ. Но вскорѣ взяло Его раздумье. Онъ представилъ себѣ, какъ жалка земля безъ солнца, какое благо принесетъ оно растеніямъ и животнымъ, и какъ безконечно счастливъ будетъ тогда вѣнецъ творенія—человѣкъ.

И Онъ пошелъ на уступку...

— Вотъ что,—сказалъ Онъ Ильѣ,—пойди-ка ты къ дьяволу и постарайся какъ-нибудь просто обмануть его. Ну, а не удастся—ничего не подѣлаешь, для общаго блага поклянись и Моимъ именемъ.

И пошелъ Илья къ дьяволу, захвативъ съ собой два золотыхъ шара.

Вотъ приходитъ къ нему Илья и говоритъ:

— Давай шары бросать—кто дальше пуститъ?

А самъ сталъ нарочно поближе къ морю, первый пустилъ шаръ, да такъ лихо, что угодилъ прямо въ море. А море-то было дьяволово. И говоритъ ему Илья:

— Что мнѣ теперь дѣлать? Сдѣлай милость—достань мнѣ шаръ. Не смѣю я забираться въ твои владѣнія, не отдадутъ вѣдь мнѣ шара тамъ, да и самого не выпустятъ...

Польстился дьяволъ на ласковое слово.

— Сдѣлалъ бы я для тебя, да боюсь, какъ

бы ты у меня солнце не укралъ... Поклянись мнѣ Богомъ, что ты этого не сдѣлаешь...

Видитъ Илья, что ничѣмъ больше не возьмешь, и поклялся. А легковѣрный дьяволъ—бултыхъ въ воду!..

Только Ильѣ этого и надо было: ударилъ онъ палкой по водѣ, да цѣлыхъ девять разъ скороговоркой и проговорилъ:

— Во имя Отца и Сына и Св. Духа!

И вотъ разомъ покрылось море девятью льдами, а Илья схватилъ солнце и былъ таковъ...

Чуетъ дьяволъ подо льдомъ, что не ладно дѣло, оплошалъ онъ, да никакъ льда сразу не пробьетъ—толстъ очень. Наконецъ, пробилъ-таки, пустился за Ильей вдогонку, да только настичь его не можетъ. Схватилъ онъ въ сердцахъ копье и пустилъ вслѣдъ Ильѣ. И попало копье тому въ ногу и вырвало цѣлый клокъ мяса.

Вотъ приходитъ Илья къ Богу, отдаетъ ему солнце, а самъ на свою рану жалуется.

— Ну, ужъ тутъ я твоей бѣдѣ помочь не могу,—говоритъ ему Господь,—а пусть съ этого дня у всѣхъ людей будетъ выемка на подошвѣ...

И стала съ тѣхъ поръ выемка у человѣка и называется она — *глада*.

Мы видѣли черногорца въ его прошлой жизни, которая была для него безконечной борь-

бой за свободу, одной сплошной кровавой рѣзней... Видѣли мы его и въ новомъ мирномъ быту послѣднихъ десятилѣтій. Слишкомъ мало еще прошло времени, чтобы этотъ лучшій въ мірѣ воинъ успѣлъ окончательно пріобщиться къ жизни другихъ европейскихъ народовъ. Но онъ уже всталъ на этотъ путь и идетъ по немъ, хотя и медленно, но твердо. Еще владѣетъ надъ нимъ прошлое, еще тѣсно переплетается въ немъ старое и новое, но къ прежнему возврата ужъ нѣтъ: воинственная, жестокая жизнь окончена навсегда.

Пожелаемъ же этому храброму народу такъ же упорно и бодро итти по свѣтлому пути просвѣщенія и мира—все впередъ и впередъ, какъ онъ стремился когда-то къ своей желанной свободѣ.

Оглавленіе.

Стр.

Глава I.

Происхожденіе Черногоріи.—Ея прошлая исторія.—Князья и митрополиты.—Возстановленіе свѣтской власти 3

Глава II.

Гдѣ лежитъ Черногорія.—Ея поверхность.—Климатъ.—Занятія жителей. 26

Глава III.

Вѣрованія черногорцевъ.—Праздники.— Суевѣрія и предразсудки 52

Глава IV.

Жилище, одежда и пища 77

Глава V.

Сватовство, свадьба и похороны 105

Глава VI.

Какъ управляются черногорцы.—Судъ.—Воспитаніе и обученіе.—Нравы.—Народныя сказанія. . 134

Разсказы изъ русскаго быта.

Дуняша-сиротка	ц.	5 к.	Кладъ	ц.	5 к.
Маленькій садовникъ	»	5 »	Встрѣча	»	5 »
Рыбаки	»	5 »	Аннушка	»	5 »
Вѣдьма	»	5 »	Грѣхъ дѣдушки Пахома	»	5 »
Мельница на оврагѣ	»	5 »	Сельская школа	»	5 »
Помогай-бросайся	»	5 »	Старый дворецкій	»	5 »
Макаръ-Вереженый	»	5 »	Неожиданное счастіе	»	5 »
Неразмѣнъ-рубль	»	5 »	Училище и семья	»	5 »
Крестьянинъ-воинъ	»	5 »	На пчельникѣ	»	5 »
Вѣра не гаснетъ	»	5 »	Сердце не каменное	»	5 »
На заработкахъ	»	5 »	Тюленій промыселъ	»	10 »
Христосъ Воскресе!	»	5 »	Разск. матери Маргариты	»	10 »
Два пріятеля	»	5 »	Вино человѣка сгубило	»	5 »
Не случись	»	5 »	Совѣсть осудила	»	5 »
Искупленный грѣхъ	»	5 »	Материнская любовь	»	5 »
Безъ работы	»	5 »	Чудодѣйственная сила	»	3 »
Никогда не поздно, разск.	»	5 »	Велика сила молитвы	»	1 »
Три клада	»	5 »	Правда Божія	»	1 »
Босоножка	»	5 »	Въ острогѣ	»	1 »
Костя-музыкантъ	»	5 »	Будьте милостивы къ животнымъ	»	1 »
Праздникъ въ деревнѣ	»	5 »			
Вѣра спасла	»	5 »			
Врагъ попуталъ — Богъ спасъ	»	5 »			

Біографіи.

И. А. Крыловъ	ц.	10 к
В. А. Жуковскій	»	10 »
А. С. Пушкинъ	»	20 »
Г. Р. Державинъ	»	10 »
Н. М. Карамзинъ	»	10 »
Иконописецъ Ступинъ	»	5 »
Гуттенбергъ	»	10 »
Гайденъ	»	10 »
Паганини	»	15 »
Франклинъ	»	10 »
Христоферъ Колумбъ	»	10 »
Давидъ Ливингстонъ	»	10 »
Робертъ Фультонъ	»	10 »
Георгъ Стефенсонъ	»	10 »
Докторъ Дженнеръ	»	20 »
Джонъ Говардъ	»	25 »
Даміанъ Вёстеръ	»	10 »

СЕРІИ РАЗСКАЗОВЪ.

1) «Жертвы вина».

1.	Лихая немочь, изд. 2-е	ц. 5 к.
2.	За брата, изд. 2-е	» 6 »
3.	Голубчикъ, еще рюмочку, изд. 2-е	» 5 »
4.	Крестоносъ	» 5 »
5.	Дѣтскія слезы дошли до Бога. Совѣсть пробудилась.	5 »
6.	Загубленная жизнь	ц. 5 »
7.	Божій человѣкъ Миша	» 5 »
8.	Сила привычки къ вину	» 3 »
9.	Корень зла	» 3 »
10.	Души невинныя	» 5 »
11.	Роковой случай	» 10 »
12.	Грѣхомъ вино настоено, несчастьемъ прокурено.	» 5 »
13.	Вино виновато	» 5 »
14.	Утонулъ. Сгорѣлъ	» 5 »

2) «Отъ Божьяго ока не укроешься».

1.	Подковка	ц. 6 к.
2.	Накануне счастья	» 5 »
3.	Не «въ лунную ночь»	» 6 »
4.	Подъ грозой	» 5 »
5.	Чужое добро	» 6 »
6.	Обжогъ за поджогъ	» 6 »
7.	Ужасъ	» 6 »
8.	Красный пѣтухъ	» 8 »
9.	Изгнанникъ	» 6 »
10.	Ложь	» 5 »
11.	Перекати-поле	» 8 »
12.	Сила вѣры и молитвы	» 8 »
13.	За чужой грѣхъ	» 8 »
14.	Онъ присягалъ	» 5 »
15.	До поры до времени	» 6 »
16.	Проклятыя деньги	» 6 »
17.	Корысть къ омуту привела	» 5 »
18.	Кто виноватъ?	» 10 »
19.	Страшное дѣло	» 8 »
20.	Месть	» 5 »

Допущены Учен. Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ.

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Москва